

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)
Ш19

Шамбаров, Валерий Евгеньевич.
Ш19 Фашистская Европа / Валерий Шамбаров. — Москва : Родина, 2022. — 544 с.

ISBN 978-5-00180-615-8

Фашизм известен под разными именами: национал-социализм, рексизм, фалангизм, салашизм, усташи, бандеровцы и др. Но у всех этих движений и течений, кроме сходной символики, униформы и пропагандистских лозунгов, было ещё кое-что общее. Антикommунизм и антисоветизм, причем обычно в связке с оголтелой русофобией. Известный писатель-историк Валерий Шамбаров представляет читателям фундаментальное исследование зарождения и становления фашизма в различных странах. Автор показывает, как в период между Первой и Второй мировыми войнами фашистские и близкие к ним идеи охватили не только Германию с её сателлитами, но и всю Европу, фактически объединили её в «крестовом походе» на СССР. Книга вскрывает и взаимодействие с фашизмом теневого «финансового интернационала» для подготовки и развязывания глобальной войны. Эта работа будет интересной каждому, кто хочет глубже и полнее понять историю XX века — а тем самым и её продолжение в событиях XXI века.

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-00180-615-8

© Шамбаров В.Е., 2022
© ООО «Издательство Родина», 2022

От автора

БЫВАЕТ ЛИ ФАШИЗМ «ОБЫКНОВЕННЫМ»?

Когда Михаил Ромм снимал свой знаменитый кинофильм, подобный вопрос возникнуть не мог. Воспоминания о Второй мировой войне оставались слишком свежими, и что такое фашизм, казалось очевидным. То самое зло, которое было побеждено. Гитлер, Муссолини, агрессия, зверства, концлагеря, моря крови. Но... почему возникло подобное явление? А ведь возникло-то оно довольно широко. И если оторваться от упрощенных схем, сформировавшихся в период войны, то вопрос, что такое фашизм, окажется далеко не очевидным. Например, государственные системы, строившиеся Гитлером и Муссолини, значительно различались. Еще более отличались от них румынские модели. Случалось и так, что различные фашистские течения схлестывались в смертельной борьбе. Что же касается концлагерей и прочих зверств, то демократические Англия или США могли бы в данном отношении успешно поспорить с гитлеровцами.

Советские общественные науки выработали следующее определение фашизма: «Политическое течение, возникшее в капиталистических странах в период общего кризиса капитализма и выражающее интересы наиболее реакционных и агрессивных сил империалистической буржуазии. Фашизм у власти — террористическая диктатура самых реакционных сил монополистического капитала, осуществляемая с целью сохранения капиталистического строя. Важнейшие отличительные черты фашизма — применение крайних форм насилия для подавления рабочего класса и всех трудящихся, воинствующий антикоммунизм, шовинизм, расизм, широкое

использование государственно-монополистических методов регулирования экономики, максимальный контроль за всеми проявлениями общественной и личной жизни граждан, разветвленные связи с достаточно значительной частью населения, не относящейся к правящим классам, способность путем националистической и социальной демагогии мобилизовать и политически активизировать ее в интересах эксплуататорского строя (массовая база фашизма — по преимуществу средние слои капиталистического общества). Внешняя политика фашизма — политика империалистических захватов».

Во многих чертах это определение получается верным, но отнюдь не во всем. Наверное, фашизм не добился бы таких успехов, в том числе и военных, если бы он только подавлял и терроризировал трудящихся. Скорее, наоборот, он демагогическими лозунгами и программами, целенаправленной «прошивкой мозгов» увлекал трудящихся за собой, обретал в их лице массовую опору». Некоторые фашистские группировки выступали противниками монополистического капитала. Необязательным оказывается и расизм — например, итальянскому фашизму он был чужд. Да и захватническая политика проявлялась не всегда.

Что же касается западной науки, то здесь однозначного определения фашизма вообще не утвердилось. Его применяли к различным ультраправым учениям, пытавшимся одновременно противостоять как коммунизму, так и либерализму. Однако само слово «фашизм» превратилось в ругательный ярлык, и зарубежные политики, журналисты, демагоги (а в постсоветские времена — и их российские последователи) применяют его к широкому спектру самых разнообразных явлений. Фашизм стало принято отождествлять с диктатурой. Либералы клеят этот ярлык к попыткам укрепления централизованной власти. Сепаратисты — к попыткам удерживать государственное единство. Ну и наконец, в нынешнюю эпоху глобализации стало модным подгонять под фашизм любые националистические силы (даже либеральные).

В западном научном мире в настоящее время восторжествовала формулировка, выработанная британским философом и политологом Рождером Грифффином, определив-

шим фашизм как «папиенгенетический ультранационализм». Доказывается, что фашистская идеология в своем «мифологическом ядре» нацелена не на «возрождение нации», а на ее «сотворение заново» — и в этом состоит ее коренное отличие от прочих националистических теорий. Отметим, что отличие довольно зыбкое. Попробуй-ка докажи, возродить или заново конструировать нацию намерен тот или иной лидер? Если же учесть, что ярлык национализма на западе тоже оказался ругательным, вопиющим нарушением «толерантности», то грань, где начинается фашизм, получается еще более расплывчатой. Определение Гриффина отлично подходит к современному украинскому или прибалтийским националистическим режимам. Но во многих фашистских государствах никакого «ультранационализма» не просматривалось. В Италии, Румынии, Болгарии, Испании...

Остается признать, что исчерпывающего определения фашизма нет. Но явление-то было! Оно родилось в единственный исторический период, 1920—1930-е годы. Охватило страны, совершенно разные по уровню экономического развития, по национальным и культурным традициям: Италию, Германию, Австрию, Румынию, Испанию, Болгарию, Венгрию, Францию, Бельгию, Чехию, Словакию, Норвегию, Данию, Швецию, Финляндию, Грецию, Югославию. *По сути, вся Европа была фашистской!* В Англии, США, Латинской Америке обозначились влиятельные организации, близкие к фашизму. Откуда это взялось? И почему фашизм все-таки не восторжествовал? Почему его достижения, выглядевшие столь впечатляющими, пошли прахом?..

Часть первая

БУРНЫЕ ДВАДЦАТЫЕ

Пролог. ВЕРСАЛЬСКАЯ СИСТЕМА

Первая мировая война выплеснула в морях крови множество противоречий, накопившихся на земном шаре к началу XX в. Кайзеровская Германия нацеливалась на европейское, а в перспективе и на мировое господство. К этому добавились аппетиты Австро-Венгрии лидировать на Балканах, химеры Османской империи о создании «Великого Турана» — включая Кавказ, Крым, Поволжье, Урал, Среднюю Азию.

Италия раскатывала губы на владения в Африке, на Балканах, в Малой Азии. Франция мечтала смыть позор поражений в войне 1870—1871 г., вернуть Эльзас и Лотарингию. Сербские радикалы вынашивали проекты «Великой Сербии», румынские — «Великой Румынии». А американские олигархи начали готовиться к войне еще с 1912 г. Они провели на пост президента своего ставленника Вудро Вильсона. Из-за нехватки финансов в США действовал закон, запрещавший вывоз капиталов за рубеж. В 1913 г. Вильсон со своими советниками-банкирами Хаусом и Барухом добились отмены этого закона. Зато обеспечили принятие закона о создании Федеральной Резервной Системы (ФРС) — по функциям соответствующей нашему Центробанку, имеющей право печатать доллары; но ФРС является не государственной структурой, а «кольцом» частных банков и независима в своих решениях от правительства. В общем, американские воротилы готовились наживаться на займах, на поставках сражающимся сторонам.

В Европе наращивались армии, разогревалось общественное мнение. Заранее организовывались и подрывные операции. В 1912 г. крупнейший германский банкир (и одно-

временно один из руководителей немецкой разведки) Макс Варбург создал в Стокгольме дочерний «Ниа-банк» — тот самый, через который будут перекачиваться деньги в Россию, большевикам. Кстати, финансовые магнаты в разных странах были тесно переплетены между собой. У упомянутого Макса Варбурга в США ворочали делами два родных брата, Пол и Феликс. Один из них, Пол Варбург, стал вице-президентом Федеральной резервной системы. В разгар войны на разжигание революции потекут не германские, а американские деньги. Их будут только отмывать через Германию и Швецию...

Закулисные силы состряпали отличный предлог развязать бойню. Подтолкнули сербских масонов убить австрийского наследника престола Франца Фердинанда — кстати, противника войны. Подключились дипломаты, мгновенно раскрутили, и загромыхало. Сцепились в схватке Германия, Россия, Франция, Англия, Сербия, Австро-Венгрия, Османская империя, Япония. Некоторые колебались, взвешивали, чью сторону выгоднее принять. Италия и Румыния примкнули к державам Антанты, Болгария — к немцам...

Простые солдаты и офицеры во всех воюющих армиях верили, что правда на их стороне. Им это внушали, они жили грядущими победами. Но одновременно закручивались грязные интриги. Например, успехи России встревожили не только противников, но и западных союзников. Нашу страну шельмовали и подставляли. В самый напряженный период войны оставили без поддержки, без вооружения и боеприпасов.

А в американских правящих кругах вызрел «план Хауса» (по имени серого кардинала при президенте Вильсоне). После того как Америка пожала плоды нейтралитета и невиданно разбогатела на поставках враждующим коалициям, требовалось пожать и плоды победы. Для этого США должны были вступить в войну. Но вступить только после свержения русского царя — чтобы сама война приобрела характер борьбы «мировой демократии» против «мирового абсолютизма». Об этом Хаус писал Вильсону еще летом 1916 г.!

Но изменением политической системы в России ограничиваться не следовало. Она должна была пасть окончательно

но. В этом случае немцы и их союзники навалятся всеми силами на Запад. А французам, англичанам, итальянцам останется надеяться уже не на русских, а только на американцев. США получали возможность диктовать им любые условия. Хаус поучал, что после победы «надо построить новую мировую систему». С образованием «мирового правительства», где будет лидировать Америка. Он убеждал Вильсона: «Мы должны употребить все влияние нашей страны для выполнения этого плана».

Что же касается России, то она, выйдя из войны, выбывала из числа победителей. Мало того, ее саму можно было пустить в раздел вместе с побежденными. Задолго до Бжезинского Хаус писал: «Остальной мир будет жить более спокойно, если вместо огромной России в мире будут четыре России. Одна — Сибирь, а остальные — поделенная Европейская часть страны». В реализации «плана Хауса» участвовали американские и европейские политики, дипломаты, спецслужбы. Участвовали и революционеры — хотя из них лишь немногие догадывались, на кого они, в конечном счете, работают и чей заказ исполняют.

Февральской, а потом и Октябрьской революциями Россию обрушили в полный хаос. Германия и ее союзники поначалу восприняли катастрофу нашей страны с колоссальным облегчением, считали чудом, спасшим их самих. Но и против них разворачивались аналогичные операции. Теперь революционные веяния поползли к ним из Советской России, засылались агитаторы, переправлялись деньги и оружие для оппозиции. С другой стороны, державы Антанты наводили контакты с либеральными и социалистическими партиями в странах противника. Вильсон делал заявления, что война ведется не с народами этих стран, а только с «агрессивными монархическими режимами». Прозрачно намекалось: когда эти режимы падут, вполне можно будет заключить почетный мир.

Осенью 1918 г. покатила цепь революций в Болгарии, Турции, Австро-Венгрии. Наконец, забурлило в Германии. Кайзер сбежал в Голландию. В Берлине представители различных политических партий рассуждали, что демократам легче будет договориться с западными державами, они смогут найти общий язык чуть ли не полюбовно. Сформируют

валось социал-демократическое правительство и 11 ноября подписало соглашение о перемирии. Германия обязалась демобилизовать армию, выдавала победителям флот, уступала французам Эльзас и Лотарингию.

Для выработки мирных договоров в Париже и его пригороде Версале в январе 1919 г. открылась международная конференция. На нее съехались делегации 27 стран-победительниц и 5 доминионов Великобритании. Участвовали даже такие «победители», как Гаити, Гватемала, Гондурас. Зато Россия, внесшая самый весомый вклад в победу, вообще не была представлена. Президент Франции Клемансо красноречиво прокомментировал: «России больше нет».

Но и из тех государств, которые были допущены на конференцию, большинство скромненько подписывало бумаги, подготовленные для них «старшими». Из трех с лишним десятков стран выделился Совет Десяти. Однако ключевые решения принимала не «десятка», а «большая четверка» — США, Англия, Франция и Италия. А внутри «четверки» возникла «тройка». Интриговала против Италии. Ее претензии проваливали настолько откровенно, что итальянский премьер-министр Орlando вообще покинул заседания. Но внутри «тройки» существовала «двойка». США и Англия исподволь копали под интересы Франции. А внутри «двойки» лидировал Вильсон. Он чувствовал себя верховным арбитром, задавал тон. Основные решения конференции навязали американцы — они известны как «Четырнадцать пунктов» Вильсона.

Немцев, австрийцев, венгров, болгар, турок беспардонно обманули. При подписании перемирий как бы подразумевалось, что условия капитуляции уже названы, их предстоит только уточнить и юридически оформить. Но на Парижской конференции державы Антанты предъявили другие условия, гораздо более жесткие. Побежденные взвыли, но деваться им теперь было некуда — они распустили свои вооруженные силы, сдали пограничные крепости и флоты. К тому же они оказались настолько взбаламучены внутренними потрясениями, что об отказе и возобновлении войны даже думать не приходилось. Незирая на заверения Вильсона, что война ведется с монархиями, а не с народами, пострадать предстояло именно народам.

Болгарию территориально обкорнали, обложили огромными репарациями, заставили распустить армию. На Турцию наложили «режим капитуляций», фактически лишили суверенитета. От нее отчленили страны Ближнего Востока, Аравию, Ирак, а остальные области поделили на зоны оккупации. Австро-Венгрию разобрали на части — Австрию, Венгрию, Чехословакию. Польские, балканские, украинские области раздали другим государствам. А Германию объявили главной виновницей войны. Она потеряла все колонии и восьмую часть собственной территории.

Ей запрещалось строить флот, создавать авиацию, химические войска, иметь военные академии и высшие училища. Армию разрешалось содержать не более 100 тыс. человек, причем профессиональную, чтобы немцы не смогли накопить обученных резервистов. Обязали выплатить репарации в 132 млрд золотых марок, что толкало ее в экономическую зависимость от Антанты. В качестве залога Саарская область была оккупирована французами. Область вдоль Рейна объявлялась демилитаризованной, там запрещалось располагать немецкие войска.

Наряду с побежденными государствами западные властители самозабвенно кроили и Россию! Решали судьбы Средней Азии, Дальнего Востока, Севера. Заявляли о поддержке отделившихся от России национальных новообразований: Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Грузии, Армении, Азербайджана, северокавказских сепаратистов, петлюровской Украины. Между прочим, именно в Версале по инициативе Вильсона было впервые принято предложение о передаче в состав Украины Крыма, раньше он никогда украинцам не принадлежал.

Что касается победителей, то плоды выигрыша распределались крайне неравномерно. Сербию, сильно пострадавшую и понесшую очень большие потери, вознаградили чрезвычайно щедро. Ей передали области хоть и славянские, но совершенно разные по своим историческим судьбам, традициям, культуре — Хорватию, Словению, Боснию, Герцеговину, Македонию, объединили с союзной Черногорией. В результате возникло Королевство сербов-хорватов-словенцев. А Бельгия тоже пострадала весьма серьезно, но для нее ог-

раничились лишь микроскопическими территориальными прирезками.

Румыния проявила себя полным нулем в военном отношении, проституировала, перекидываясь на сторону то Антанты, то Германии. Невзирая на это, ее уважили (возможно, из-за того, что Румыния была неприкрытым оплотом масонства). Отдали ей и австро-венгерскую Трансильванию, и российскую Бессарабию. Была воссоздана Польша, ее скомпоновали из германских, австро-венгерских, российских областей. Италии за вступление в войну наобещали очень много, но не дали почти ничего. Франция вернула ранее утраченные Эльзас и Лотарингию, получила в подмандатное управление Сирию с Ливаном и часть Турции. Англия хапнула больше всех — германские колонии в Африке, Ирак, Трансиорданию, Палестину.

А вот Америку территориальные приобретения... совсем не интересовали. Вильсон рассчитывал на большее! По его настоянию в мирный договор был внесен пункт о «свободе торговли» и «снятии таможенных барьеров». Государства, ослабленные войной, конкурировать с США не могли. Этот пункт означал экономическое и торговое господство американцев. Оно должно было дополниться и политическим. Вильсон писал: «Америка призвана модернизировать политику Запада». «Экономическая мощь американцев столь велика, что союзники должны будут уступить американскому давлению и принять американскую программу мира. Англия и Франция не имеют тех же самых взглядов на мир, но мы сможем заставить их думать по-нашему».

Для такой «модернизации» решением Версальской конференции было создано первое «мировое правительство» — Лига Наций. Америке предстояло занять в нем ведущую роль, причем сделать это предполагалось пропагандой «демократических ценностей». Провозгласить их приоритетом всей международной политики. Для этого США широко тиражировали версию, что война со всеми ее жертвами разразилась из-за «агрессивности абсолютизма», из-за несовершенства европейских государственных систем. Избежать подобных катастроф в будущем можно только утверждением «подлинной демократии». Таким образом, Америка выдвигалась на

роль мирового учителя демократии — и мирового арбитра. Она получала возможность влезать во внутренние дела других государств, оценивать, какое из них «демократично», а какое нет (читай — опасно для мирового сообщества, таит угрозу развязывания новых войн). Как раз для таких целей, по мысли Вильсона и Хауса, предназначалась Лига Наций.

Сам Вильсон был фанатичным протестантом. Это ничуть не мешало ему озвучивать и проводить политику финансовых и промышленных магнатов США. Но и магнатам его религиозные убеждения не мешали. Хаус сумел внушить Вильсону, что ему предназначена поистине «мессианская» роль спасения Америки и всего мира, льстиво называл его «апостолом свободы». Президенту нравилось. Он сам верил в свое исключительное предназначение. Ведь казалось бы, его ведет «само Провидение»! Успехи на выборах в США, на международной арене. Небывалое, доселе немислимое для американцев возвышение, возможность распоряжаться судьбами всего мира!..

Но в 1919 г. достичь мирового господства Америке еще не удалось. Вместо этого грянула катастрофа для самого Вильсона. Да, финансово-политическая «закулиса» США набрала огромную силу. Но в данное время и европейская «закулиса» сохраняла колоссальное могущество. Она была старше, опытнее американской. А британские, французские, бельгийские, голландские, швейцарские, итальянские олигархи вовсе не для того крушили соперницу-Германию и помогали свалить Россию, чтобы получить диктат со стороны США. Вильсон, Хаус и стоявшие за ними теневые круги были уверены, что хитро переиграли всех. Однако на самом деле обставили их самих.

Америку вовлекли в войну, она сыграла свою роль. После этого конкуренты сочли, что ее снова надо удалить из европейской политики. Под Вильсона подвели мину не в Европе, где он считал себя всесильным, а у него на родине, в США. Это было совсем не трудно. В 1916 г., чтобы добиться избрания Вильсона президентом на второй срок, его команда завлекала обывателей лозунгом «Вильсон уберет Америку от войны!». А почти сразу же после победы на выборах президент вступил в войну. Сограждане еще не забыли столь наглый обман.

Весомые поводы для обвинений дали условия Версальского мира. Получалось, что англичане, французы, сербы, румыны, поляки, чехи получили реальные и осязаемые приобретения, а США? Выигрыш от «свободы торговли» и создания Лиги Наций был для рядовых американцев непонятен. Да этот выигрыш и не касался *рядовых*! Выходило — десятки тысяч парней погибли или были искалечены за чужие, не нужные американцам интересы... Европейской «закулисе» осталось подогреть и подпитать американскую оппозицию, и в США против Вильсона стала раскручиваться мощная кампания. Ему ставили в вину отход от традиционной политики изоляционизма, военные потери. Предсказывали, что в случае продолжения политики Вильсона Америке снова придется решать чьи-то чужие проблемы, а не собственные, тратить на это средства, нести жертвы.

Положение усугубилось тем, что наметилась трещина между президентом и его опорой — финансовыми тузами Уолл-стрита. «Мессианская роль» вскружила голову Вильсону, он считал, будто и в самом деле творит «волю Божию». Он начал выходить из-под контроля «закулисы». А в ходе скандалов и разоблачений, которые посыпались на его голову, Вильсон вдруг прозрел. Понял, что им откровенно манипулировали. Он обиделся на Хауса, порвал отношения со своим «серым кардиналом». После чего окончательно утратил поддержку банковской касты.

Сенат США отказался ратифицировать Версальский договор, отверг вступление в Лигу Наций. От Вильсона отвернулись обе ведущие американские партии: и республиканская, и демократическая. Однако президент еще верил в свою «избранность». Он решил напрямую обратиться к американскому народу через головы сената, политических партий, минуя поливающие его грязью средства массовой информации. Ездил на поезде по США и произносил речи, доказывая правильность своей линии. За три недели он проехал от Вашингтона до Сиэтла, выступил в десятках городов. Но не выдержал такого напряжения. Вильсона хватил удар и разбил паралич.

Хотя и Европа никак не могла прийти в себя после потрясений. Оказались разрушенными четыре великих импе-

рии! Российская, Германская, Австро-Венгерская, Османская! Обвалились четыре столпа, до сих пор помогавшие поддерживать мировое равновесие! Теперь Германию сотрясали восстания «спартакидов». Образовались советские республики в Баварии, Тюрингии, в Венгрии, Словакии. Но разжигание коммунистического пожара в центре Европы никак не устраивало западные державы — в отличие от пожара в России. Правые силы и социал-демократические правительства в Германии, Венгрии и Чехословакии получили деятельную помощь Антанты, мятежи довольно быстро удалось подавить.

В целом же «Версальская система», построенная в искореженной Европе, стала триумфом хищников. В Лиге Наций взялись безраздельно заправлять Англия и Франция. Именно теперь Британская империя достигла максимального размаха. А Париж претендовал на роль политической и культурной столицы мира. Он силился лидировать в континентальной Европе. Взял под покровительство Румынию, Польшу, Чехословакию, Югославию, конструировал из них союзы. Зато над немцами, от которых получила столько шишек, Франция вовсю издевалась. Грубо унижала их на каждой международной конференции. Обирала репарациями.

Разбогатели страны, сохранявшие в войне нейтралитет: Голландия, Дания, Швеция, Швейцария, Норвегия. Впрочем, и в проигравших государствах далеко не для всех поражение стало трагедией. Масоны-социалисты дорвались до власти. Для банкиров, предпринимателей, спекулянтов Германии и Австро-Венгрии катастрофы их держав обернулись сказочными барышами, гибель империй и переход в демократическое русло сопровождались колоссальными «приватизациями», на которых грели руки Варбурги, Ротшильды, Шредеры, Шахты, Вассерманы, Привины, Грюнфельды и им подобные.

Хищники перестраивали европейскую жизнь под свои нравы и нужды. Принимались новые законы и конституции чуть ли не напоказ — у кого демократичнее? Провозглашалось, что наступает новая эпоха всеобщего процветания, разума, благоденствия. Толстосумы реализовывали сверхприбыли, которые они нагребли в ходе войны и послевоенных махинаций. Открывались новые фирмы. Заводы переходили на выпуск мирной продукции, и рынки заполнили самые

современные для тех лет товары — радиоприемники, холодильники, автомобили, телефоны. Этот бум поднимал и кружил всевозможную пену: маклеров, жулье, болтунов, желтых журналистов.

Хриатианская мораль сносилась начисто. Она мешала жиреющим делягам получать за свои деньги полные букеты удовольствий. Теперь европейцам внушали, что надо вознаграждать себя за перенесенные лишения и опасности. Если уцелели в боине, надо пользоваться всеми доступными благами. Главная, высшая ценность — это жизнь! Вот и бери от нее все что можно! Внебрачные связи превращались в норму, тем более что женщин стало в избытке. Больше, чем поредевших и покалеченных мужчин. Менялись моды. Укорачивались подола платьев, исчезали нижние юбки, нижние кофточка, сорочки, подвязки и прочие предметы, признанные лишними. Тела становились более доступными и для обзора, и для осязания.

Раньше канканы с полуголыми девицами считались достопримечательностью Франции. Сейчас по всем западным странам сверкали куда более откровенные зрелища. Классическую музыку заглушали буйные ритмы джаза и похотливые изломы танго. На живопись и скульптуру обрушилась волна абстракции. Литература и философия полезли в темные глубины подсознания, в завлекающие и опасные трясины фрейдизма, экзистенциализма, неоязычества, антропософии и прочих «модных» теорий. Европа расцвела огнями реклам, увеселительных заведений на любой вкус и достаток. Средства массовой информации раздували эти настроения. Веселись, пока живется.

А военной службы деляги и хапуги никогда не любили. Теперь идеалы героев и подвигов стали меняться на идеалы пацифизма. Пропагандировалось, что большая война была последней. Ведь демократическая система выдвигает к власти самых мудрых и дальновидных деятелей. Существует Лига Наций. Отныне любой конфликт можно будет решить мирным путем. Престиж армии падал. Зачем она, если надо поддерживать мир любой ценой? Главная-то ценность — жизнь... А национальные интересы, честь, отечество получались «абстрактными» понятиями. Лишними. Разве погиб-

шим французам тепло или холодно от того, что их отечество победило? Или погибшим немцам есть разница, проиграли они или нет? Или более умными оказались все-таки выжившие, уцелевшие?

Картины строящегося либерального «рая» выглядели очень живописными в партийных программах и заявлениях политиков. Они соблазнительными волнами захлестывали обывателей со страниц популярных газет, в эфире радиопередач. Но на самом-то деле получалось, что «рай» ощущается только в узеньком мирке правящей и финансовой верхушки — за столиками фешенебельных ресторанов, в залах модных театриков и варьете, в офисах новых хозяев жизни и их респектабельных домах. А за заборами дорогих вилл и за дверями ресторанов на «рай» было не похоже. Демобилизация высвободила миллионы мужчин, оказавшихся не у дел. Кроме вчерашних солдат, без средств к существованию остались сотни тысяч вдов и сирот, которых война лишила кормильцев. Круто зашкаливала безработица. А перепрофилирование промышленности с военных заказов на мирную продукцию вызывало дикие перекосы. Разрекламированный промышленный бум то и дело сваливался в жестокие кризисы.

Модные космополитические установки приживались среди простых людей очень плохо. Решения Версальской конференции и перекроенная победителями карта Европы сформировали многочисленные очаги национальных обид и оскорблений. Ну а повальная демократизация везде и всюду оборачивалась разгулом злоупотреблений и воровства. Этой больной атмосферой умело пользовались коммунисты. Структуры Коминтерна в разных странах вербовали недовольных в свои ряды. Но появлялись и другие организации, старающиеся противодействовать углубляющемуся развалу...

1. ИТАЛИЯ

Бенито Муссолини

Италию в свое время целенаправленно создавали масоны. На Апеннинском полуострове угнездилась дюжина разнокалиберных королевств и княжеств. Некоторые из них

зависели от австрийской империи Габсбургов, другие — от Испании. Ну а Англия с Францией рыли подкопы под Австро-Венгрию и Испанию. А заодно и под позиции папы Римского. Рассчитывали перетянуть итальянцев под собственное влияние. Множились организации карбонариев и прочих экстремистов, Лондон и Париж финансировали их, обеспечивали убежище эмигрантам. Раз за разом в Италии инициировались революции, завозилось оружие, появлялся Гарибальди с отрядами «краснорубашечников».

В этой борьбе западные державы сделали ставку на «прогрессивное» Сардинское королевство — противопоставив его «реакционному» Неаполитанскому. Их прогрессивность и реакционность выражалась, например, в том, что в период Крымской войны 1853—1855 г. либеральное правительство Сардинского королевства присоединилось к антироссийской коалиции, послало войска осаждать Севастополь вместе с французами, англичанами и турками. А неаполитанский король принял сторону русских. За это с ним расплатились: устроили революцию. Аналогичным образом свергались другие неугодные властители, изгонялись австрийцы.

Шаг за шагом Италия объединилась, хотя получилась очень неоднородной. На севере, на территории Сардинского королевства, еще с середины XIX в. не без участия британцев начала развиваться промышленность. Разрастались заводы Милана, Турина, Генуи. Юг оставался сельскохозяйственным краем. Здесь царили нищета, неграмотность. Города переполняли бродяги, безработные. На Сицилии реальная власть вообще принадлежала не правительству, а мафии.

Невзирая на подобные издержки, Италия силилась показать себя великой державой. Она чрезвычайно активно участвовала во всех европейских конгрессах и конференциях. Но по меркам XIX — начала XX в., чтобы числиться «великими», требовалось иметь колонии. А Италия сформировалась поздно. Почти все, что плохо лежит, уже расхватали. Итальянцы полезли в «Тройственный союз» с Германией и Австро-Венгрией. Опираясь на альянс с Бисмарком, удалось обзавестись концессиями в Китае, кое-какими владениями в Африке: Итальянским Сомали, Эритреей.

Но этого было так мало по сравнению с Францией и Англией! В Риме нацелились захватить еще и Эфиопию. Обширную, многолюдную. А войско — местные племена с луками и стрелами. Эти планы поддержали не только немцы, но и Англия — она видела в Италии «противовес» Франции. В 1895 г. в портах Восточной Африки высадились отлично вооруженные дивизии и двинулись с двух сторон через границы Эфиопии. Однако ее император Менелик II тоже нашел союзницу — Россию. Царская армия как раз переходила на новейшие винтовки Мосина, а старые, однозарядные берданки отправила африканским друзьям. Послала неплохие пушки, откомандировала инструкторов — артиллеристов, инженеров, казаков. Итальянцев разнесли наголову. Они не только отказались от поползновений на Эфиопию, но даже вынуждены были уступить ей некоторые районы собственной Эритреи и выплатить контрибуцию.

На некоторое время Италия угомонилась. Совершенствовала армию, строила флот. Подходящий момент настал в 1911 г. Заполыхала гражданская война в Османской империи, партия младотурок свергла султана Абдул-Гамида. Италия сочла, что вполне сможет отобрать владения турок в Северной Африке: Ливию и Триполитанию. На ее стороне было подавляющее военно-техническое превосходство. К африканским берегам подошли первоклассные линкоры. Высаживались войска с пулеметами, скорострельными орудиями, впервые была применена авиация — итальянские пилоты бросали с аэропланов ручные бомбы. Противостояли им полуразвалившиеся турецкие части и ополчение арабских племен.

Но опять оказалось, что войну развязали опрометчиво. Арабы и турки, отвратительно вооруженные, сражались стойко. Итальянцы же показали себя отвратительными солдатами. Получил известность анекдотический пример, как офицер поднял в атаку свою роту, но вдруг обнаружилось, что он бежит один. А его солдаты стоят в окопах, аплодируют и кричат: «Браво, капитано!». В общем, завязнуть могли надолго. Однако Италию выручили Сербия, Черногория, Греция, Болгария — они тоже сочли, что пришло время свести счеты с Османской империей. Объединились в Балканскую лигу и обрушились на турок.

В такой ситуации турецкое правительство сочло за лучшее спасти Стамбул, а в Африке замирились. Отдало Ливию и Триполитанию. Правда, арабы все равно не желали покориться. Но и итальянцы предпочли договориться с местными шейхами. Сошлись на том, что власть европейцев установилась чисто номинальная. В городах появились учреждения колониальной администрации. А вокруг, по степям и пустыням, заправляли шейхи, европейцы в их дела совершенно не вмешивались.

Балканские войны принесли Италии новое приобретение. Страны Балканской лиги разбили турок, но отнятых областей не поделили, передрались между собой. Угрожали вмешаться Германия, Австро-Венгрия, Италия. Россия и Англия пытались всех мирить. На Лондонской конференции спорную Албанию признали автономной и передали под итальянское покровительство. Хотя оно стало еще более формальным, чем в Ливии: в Албании верховодили древние феодальные кланы.

Что же касается внутренней жизни Италии, то здесь в полной мере сказывались традиции «революционного» прошлого. Само государство рождалось в революциях! Хочешь или не хочешь, бывшие мятежи героизировались. На этих традициях воспитывались новые поколения, и значительный вес набирали социалистические партии. А место карбонариев занимали анархисты и прочие радикальные заговорщики. Различные партии и группировки искали точки соприкосновения, заключались и распадались альянсы, и в этой мешанине впервые прозвучал термин «фашизм».

В Древнем Риме высших должностных лиц, консулов и трибунов, сопровождали ликторы — почетный эскорт и охрана. Они приводили в исполнение приговоры о наказаниях: кого-то высечь, кого-то казнить. Атрибутом ликторов являлись фации — связки прутьев, в которых закреплялся топорик. Изображение фаций неоднократно использовалось в различных эмблемах в качестве символа государственной власти. *Но от фаций произошло и слово «фашизм», оно означало связку, союз.* Первые организации с таким названием возникли в XIX в. Например, группы социалистов и революционных демократов Сицилии в 1895 г. объединились в «Си-

цилианский союз» («Fasci siciliani»). Соответственно, именовались «фашистами».

А вскоре среди левых активистов замелькало имя Бенито Амилькаре Андреа Муссолини. Его отец, мелкий ремесленник, был ярким социалистом, постоянно лез выступать на митингах, несколько раз попадал в тюрьму. Будучи убежденным атеистом, он отказался крестить сына. Отец дал ему имена в честь социалистов Андреа Косты, Амилькаре Чиприани и мексиканского реформатора Бенито Хуареса. В школе мальчик из-за буйного нрава периодически оказывался под угрозой исключения, менял учебные заведения, но при этом проявил блестящие способности, получил солидное образование. По окончании гимназии он получил диплом учителя, начал работать в начальной школе.

Но отец еще ребенком таскал Бенито по митингам. Он тоже вступил в социалистическую партию, начал писать статьи для партийных газетенок. Вдобавок отец заразил его пацифизмом, и Муссолини в 1902 г. уклонился от призыва в армию, сбежал в Швейцарию. Здесь околичивалось много итальянцев, приезжавших на заработки. Бенито выделялся среди них образованием, отличным знанием французского языка. В различных спорных ситуациях брался отстаивать интересы итальянских рабочих, пробовал себя в роли лидера. В Швейцарии он близко сошелся и с русскими революционерами, Ульяновым-Лениным и Балабановой. Она стала одной из политических учительниц Муссолини. Под влиянием Балабановой будущий диктатор начал читать Маркса, Бабефа, Ницше, Штирнера, Сореля. Особенно его заинтересовали идеи о необходимости силового свержения «декадентской либеральной демократии». Он посещал также лекции профессора Парето, учившего, что власть всегда захватывает меньшинство.

В 1903 г. по запросу из Италии швейцарская полиция арестовала дезертира. Его депортировали на родину, хотя вскоре освободили по амнистии. Однако мировоззрение Муссолини менялось. После уроков Парето и Балабановой он стал апологетом «прямого действия», революции. Военное дело также заинтересовало его. Он подал прошение о зачислении в армию добровольцем, удостоился в полку самых

лучших аттестаций. После службы продолжал работу учителем, его взяли профессором во французский колледж.

Но и политические страсти затягивали его. Он пишет статьи для социалистических газет, организует забастовки. Попадает в тюрьму то за публичные оскорбления, то за несанкционированный митинг. Наказывали мягко, сажали на 10-15 дней. Но с преподавательской работой пришлось расстаться. Муссолини целиком переходит на стезю партийной журналистики. В эти годы у него появляется прозвище «пикколо дуче» — «маленький вождь». Он жил в разных городах, работал в редакциях социалистических газет. Писал хлестко, ярко и весьма плодovито, статьи будто сами выскакивали из-под пера Бенито. Буйной творческой энергии хватало и на большее. В соавторстве с Санти Корвайя Муссолини настроил антицерковный роман «Клаудиа Партичелла, любовница кардинала», создал повесть о жизни чешского реформатора Яна Гуса.

В это же время «пикколо дуче» выделяется в качестве оратора. Речи тоже выплескивались из него как бы «сами». Муссолини говорил напористо, эмоционально, не считал нужным придерживаться каких-либо ограничений, в том числе и правил приличия. Но грубости и непристойности вплетались в его язык вполне естественно и только сильнее увлекали слушателей. Для простонародья он выглядел «своим». Очередной толчок его карьере дала война в Триполитании. Муссолини со свойственной ему энергией взялся отстаивать антивоенную линию социалистов. Участвовал в акциях протеста, клеймил политику правительства и «военщину», добился исключения из партии «ренегатов», поддержавших экспансию в Африку. За нападки на власть и армию он получил самый значительный в своей жизни срок заключения — пять месяцев. Но стал в партии «героем», его поставили редактором, а потом и главным редактором главного органа социалистов, газеты «Аванти» («Вперед»). Тут он проявил свои недюжинные таланты, поднял тираж «Аванти» с 20 до 80 тыс. Она стала самой популярной из левых газет.

Но загрохотал август 1914-го. Европу перечеркнули линии фронтов. А в итальянском правительстве, парламенте, прессе заштормили споры: вступать ли в войну, и на чьей

стороне? Социалистическая партия, как и прежде, отстаивала идеалы пацифизма, заявляла о верности принципам Социалистического интернационала — бороться против империалистических войн. Но... Муссолини неожиданно оказался иного мнения! В «Аванти» вдруг появилась его статья, что война войне рознь, выступить против всех войн — «глупость, граничащая с идиотизмом». Он доказывал, что победа Германии будет означать «конец свободы в Европе», поэтому необходимо поддержать Францию. Немцев он называл «европейскими пиратами», австрийцев — исконными врагами и «палачами» итальянского народа. Указывал, что германские и австро-венгерские социалисты проголосовали за войну. Следовательно, пацифистские установки Социалистического интернационала все равно перечеркнуты.

За такое выступление Муссолини выгнали с поста главного редактора и из партии. Но он уже чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы создавать собственную организацию. Назвал ее «Fasci autonomi d'azione rivoluzionaria» — «Союз автономного революционного действия». Правда, тягаться с ортодоксальным крылом партии ему было рано. Фракция получилась малочисленной. Но споры о войне вызывали новые расколы среди социалистов и других левых партий, появлялись аналогичные группы. В январе 1915 г. они объединились в более крупную организацию «Fasci d'azione rivoluzionaria» («Союз революционного действия»). Муссолини возглавил ее. Объединение произошло на собрании в Милане, и членов этой организации называли «миланскими фашистами».

Между тем правительство Италии усиленно торговалось с обеими сражающимися сторонами. Армия Италии насчитывала почти миллион солдат, в составе флота было 14 первоклассных линкоров, не считая крейсеров, эсминцев и прочих кораблей. Завязывались переговоры то с Антантой, то с Германией и ее союзниками. Прощупывалось, от кого можно получить больше. Правда, в России оценивали боевую мощь Италии очень невысоко, полагали, что союз с ней может принести больше проблем, чем пользы. В Германии к возможностям этой державы относились тоже скептически. Приходили к выводу, что полезнее будет нейтралитет итальянцев,

чтобы получать через них промышленную продукцию, стратегическое сырье.

Куда там! Римские политики считали ситуацию слишком выгодной, боялись продешевить. Даже за свой нейтралитет они требовали, чтобы Австрия отдала им часть Тироля и Трентино — приграничную область, где проживало много итальянцев. Их попытались удовлетворить другими перспективами: после победы над Францией отобрать у нее и передать Италии Корсику, Савойю, Ниццу, Тунис. Нет, в Риме воротили нос — дескать, еще неизвестно, одолеете ли вы Францию. Поэтому извольте «платить вперед». Но отдавать свои земли просто так, за обещания не нарушать мир, отказывалась уже Австрия.

Вокруг потенциального союзника суетились и Англия с Францией. Им-то самим приходилось туго, и они рассуждали, что дополнительный миллион солдат станет той самой «гирей», которая перевесит чашу весов к победе. Что ж, в переговорах с ними итальянские дипломаты также проявляли разыгравшиеся аппетиты. Требовали обещаний, чтобы британский флот взял под защиту их побережье, а русские начали наступление и отвлекли на себя Австро-Венгрию. Тут-то и вмешается Италия, ее армии триумфальным маршем рванут прямо на Вену. Но за это после победы ее надо будет вознаграждать. Передать из территорий Австро-Венгрии Триест, Истрию, Далмацию. Из территорий Турции — Анталию и Измир, отдать Албанию. Претендовать на земли Германии Риму было трудно, но и здесь римские дипломаты сориентировались. Заявляли — если Германию будут делить без Италии, ей должны выделить компенсации в Африке.

26 апреля 1915 г. в Лондоне был подписан договор. Итальянцам выделяли заем в 50 млн фунтов и обещали удовлетворить «значительную часть требований». Ситуация складывалась, вроде бы, подходящая: основные силы Австро-Венгрии были переброшены против русских. 23 мая Италия вступила в войну. Основной удар она нанесла у реки Изонцо — там, где основание итальянского «сапога» захватывает северный берег Адриатики. Нацеливались прорвать фронт, наступать на Горицу и Триест, а затем повернуть в глубь Австрии. Но... германские и российские оценки итальянской боеспособно-

сти оказались верными. Австрийцам и немцам даже не потребовалось отвлекать войска с основных направлений. Они перебросили на новый фронт 6 дивизий из Сербии и отшвырнули втрое превосходящую армию Италии. Главнокомандующий генерал Кадорна собрал группировку посильнее, предпринял второе наступление на Изонцо. Но итальянцев снова потрели и не дали продвинуться ни на шаг.

Марш на Рим

При мобилизации был призван в армию и Муссолини. Его политические успехи военное ведомство не учитывало, поставило в строй рядовым. Правда, он попал в элитную дивизию берсальеров (стрелков, аналог российских егерских частей). Служить ему довелось как раз на Изонцо, на самом напряженном участке фронта. Генерал Кадорна почти всю войну действовал по одной и той же схеме. Подтягивал новые дивизии, наращивал артиллерию и повторял лобовые удары на том же самом направлении. Вслед за вторым последовали третье, четвертое, пятое, шестое наступления на Изонцо. Атаки итальянцев отражали, они несли большие потери.

Австрийцы воевали куда более грамотно. В мае 1916 г., когда 54 итальянских дивизии скопились на Изонцо, они скрытно собрали кулак из 18 дивизий севернее, у Трентино. Внезапным ударом прорвали фронт, ринулись в тылы итальянцев, к Венеции, угрожая отрезать всю их армию от родины. А итальянцы даже не подумали маневрировать, организовать контрудар такой массой войск. Нет, они бросили позиции и покатались прочь! Только бы выбраться из наметившегося мешка. От полной катастрофы Италию спасли русские. Брусилов раньше намеченного срока начал наступление, его знаменитый прорыв взломал боевые порядки Австро-Венгрии, заставил ее прекратить операцию против итальянцев, срочно перебрасывать войска на восток.

Муссолини в этих баталиях проявил себя совсем неплохо. Он был не из таких солдат, которые аплодируют в окопах «Браво, капитано!». Наоборот, по воспоминаниям сослуживцев, он с криком «Да здравствует Великая Италия!» первым поднимался в атаки. За проявленные отличия был удостоен звания капрала (младшего сержанта). Отмечали его го-

товность помочь товарищам, отзывчивость. Но более полно проявить себя ему было не суждено. В войсках появилось новое оружие, минометы. В феврале 1917 г. во время их пристрелки одна из мин разорвалась в стволе, Муссолини был тяжело ранен в ногу и демобилизован. Десятое наступление на Изонцо провалилось без него. А потом австрийцы и немцы учинили итальянцам еще один разгром, под Капоретто. Россия уже рухнула, второй раз выручить Италию не могла. Выручали французы и англичане, прислали 11 дивизий. Перекрывали дороги заслонами, расстреливали толпы бегущих итальянцев и заставили их остановиться, наладили оборону.

Итоги войны оказались для итальянцев не слишком радостными. 460 тыс. полегли убитыми, около миллиона было переранено. В общем, цифры потерь оказались близкими к потерям России (около 600 тыс. погибших), но Россия на нескольких фронтах измочалила всех своих противников, а Италия без толку дергалась на одном и том же участке. Ну а окончание войны обернулось серьезными проблемами в экономике. 64% промышленности работало на нужды армии! Теперь конвейеры останавливались, штаты сокращались. А демобилизация выплеснула из армии еще 2 млн мужчин. Скакнула безработица. Вовсю разыгралась преступность.

В этой мутной атмосфере забурили и политические страсти. Поыхали революциями Россия, Германия, Австро-Венгрия. Ну а в Италии с ее революционным прошлым почва была ох какая восприимчивая! Где-то появлялись эмиссары Коминтерна из Москвы с саквояжами драгоценностей на развитие «мировой революции», где-то слушали легенды об успехах российских большевиков и германских спартаковцев. Быстро умножались партии коммунистов, анархо-синдикалистов. В Социалистической партии тоже обозначилось радикальное крыло, склонное раздувать революции. Ширились забастовки, закипали уличные митинги.

Муссолини к социалистам не вернулся. Позже он объяснял, что «социализм как доктрина был уже мертв, он продолжал существовать лишь как недовольство». Но и коммунистические идеалы Муссолини не привлекали. Отталкивали разрушительные, антигосударственные призывы. Он взялся искать что-то новое, не капиталистическое, но и не

коммунистическое. «Третий путь». В марте 1919 г. в Милане он провел собрание для учреждения новой организации, «Fasci italiani di combattimento» — «Итальянский союз борьбы». Целью провозглашалось возрождение нации и той самой «Великой Италии», ради которой поднимался в атаки капрал Муссолини, ради которой воевало и большинство его новых единомышленников.

Путь борьбы пока выглядел довольно неопределенным. Будущий вождь развернул самый широкий спектр: «Мы позволим себе роскошь быть одновременно аристократами и демократами, революционерами и реакционерами, сторонниками легальной борьбы и нелегальной, и все это в зависимости от места и обстоятельств, в которых нам придется находиться и действовать». Правда, первые попытки легальной борьбы провалились. На парламентских выборах 1919 г. мало кому известная организация фашистов потерпела полное фиаско.

Но обстановка накалялась. В Париже и его пригородах заседала мирная конференция, и вдруг стало выясняться, что Италия получила гораздо меньше, чем она рассчитывала. На Балканах она надеялась получить Далмацию (Словению), Каринтию и Крайну (Хорватию), Албанию, в Альпах — Тироль. Но получила только крошечные клочки приграничной территории: Южный Тироль, Триест, полуостров Истрия. Словенские и хорватские земли ушли к сербам. Английские, французские, американские политики вовсе не намеревались создавать «Великую Италию». Вместо этого они предпочли конструировать королевство сербов-хорватов-словенцев, которое надеялись держать под своим влиянием.

Италия очень рассчитывала поживиться австро-венгерским флотом, но и корабли уплыли к сербам! Новых колоний в Африке и Азии итальянцам не дали. Германские колонии хапнула Англия и выделять за них какие-либо компенсации не спешила. Правда, было установлено, что Италии полагаются 10% репараций, которые заплатит Германия. Но сумма была непосильной для немцев, и оставалось сомнительным, заплатят ли они вообще.

Да и за счет Османской империи поживиться не удалось. Запрашивали Албанию, Измир, Анталию. Но Албания был сохранен прежний статус — автономия в составе Турции. Из-

мир отдали грекам. За Италией подтвердили только те османские области, которые она сама отвоевала 9 лет назад, — Триполитанию с Ливией. Добавили Додеканесские острова в Эгейском море. Дали и Анталию, но не в собственность, а признали ее зоной итальянского влияния и оккупации. В народе, особенно среди фронтовиков, росло возмущение. Спрашивается, за что воевали? За что положили столько солдат?

А тем временем обострялись экономические проблемы. Промышленность лихорадили кризисы, скакнула инфляция, курс лиры обваливался. Ну а демократическое правительство погрязло в коррупции, покрывало откровенные хищничества. Этим пользовались левые. Повторялись волны забастовок. По инициативе анархо-синдикалистов забастовочные комитеты стали постоянными органами, фактически возглавили рабочих, отпихнув в сторону профсоюзы. К анархо-синдикалистам примкнули коммунисты, часть социалистов. На основе комитетов принялись формировать Советы. Причем зазвучали требования признать их официальными органами, представляющими интересы рабочих.

Левые были настроены воинственно. Металлисты и судостроители Лигурии, когда им отказали в повышении заработной платы, не ограничились забастовками. Захватили свои фабрики и удерживали четыре дня, пока хозяева не пошли на попятную. Опыт оказался полезным. Его стали брать на вооружение повсюду. Владельцы предприятий попытались бороться с раскачкой, закрывая свои заводы, а рабочие комитеты принялись их захватывать. Особенно массовыми такие акции стали в Турине. Здесь появились отряды вооруженных рабочих, заводы и фабрики оккупировались, вводилось самоуправление, даже свои «деньги». Правительство направляло войска, но железнодорожники отказывались перевозить их. Кое-где соблазнились крестьяне, принялись аналогичным образом захватывать землю.

Предприниматели и правительство пошли на серьезные уступки: повысили зарплату, признали за выборными рабочими представителями право «контроля» на предприятиях. Власти привлекли к переговорам соглашательскую часть социалистов, профсоюзы, им удалось расколоть забастовщиков и погасить беспорядки. Но хозяева заводов попытались

навязать рабочим новую форму контрактов, которые подспудно разрушали систему советов и комитетов. В сентябре 1920 г. было объявлено, что эти советы не имеют реальных полномочий. Анархисты и анархо-синдикалисты ответили новой всеобщей забастовкой. Предприниматели опять пробовали закрывать фабрики. Но приходилось вызывать войска, чтобы избежать очередных захватов предприятий.

Это вылилось в двухнедельный разгул мятежей. Обнаглевшие революционеры дошли до убийства чиновников, вставших у них на пути. Но в противовес разбушевавшимся левым начали спланироваться патриоты, формировать отряды «сквадристов» («сквадр» — отряд). В них вливались в основном вчерашние фронтовики, присоединился и Муссолини со своим «Союзом борьбы». Хотя поначалу лидером выглядел не он. На роль предводителя выдвигался д'Аннунцио — известный поэт и патриотический деятель. Его называли «команданте», он пытался поднять повстанческое движение на спорных территориях бывшей Австро-Венгрии, которые так и не отдали итальянцам.

Но постепенно Муссолини обошел его. Использовал ресурсы своей партии, блестящие организаторские способности. Привлек на свою сторону «полевых командиров» сквадристов во главе с Дино Гранди. Для их отрядов была придумана простая, но броская униформа: черные рубашки, нарукавная «фашистская» эмблема с пучком фасций. Муссолини ввел и особое «римское» приветствие поднятой рукой. «Чернорубашечников» начали воспринимать как фашистское, партийное движение. А отряды, в свою очередь, поднимали престиж фашизма. В отличие от остальных партий, они не рассуждали, не болтали, — они действовали. Появились на улицах, поддерживая порядок. Вступали в драки, разгоняя бесчинства анархистов. В августе 1920 помогли очистить от смутьянов огромный завод «Альфа-Ромео» в Милане.

А чтобы проучить и унижить политических противников, был придуман оригинальный способ — их ловили и насильно поили касторкой, чтобы обделались. Сквадристы стали называть «фашистами», отождествлять с организацией Муссолини. Отряды быстро разрастались, их единомышленниками оказывались все итальянцы, желающие прекра-

тить развал страны. Полиция и армия начали воспринимать сквадристов как союзников. Да и в политических кругах группировку Муссолини воспринимали как «правительственную». В 1921 г. на выборах в парламент правящая Национал-либеральная партия во главе с премьер-министром Джованни Джолити включила фашистов в свои списки, они получили 38 депутатских мандатов — в том числе Муссолини и Гранди.

Но альянс почти сразу сломался. Джолити полагал, что фашисты сделали свое дело, помогли усмирить забастовки, их руководители получили за это вознаграждение, попали в парламент, а «чернорубашечников» надо бы распустить. Муссолини роль правительственной «шестерки» никак не устраивала. Он пробовал создавать коалиции с другими политическими силами, вел переговоры с социалистами — однако такой поворот возмутил сквадристов. Не устраивал их и политический курс либералов — кабинет Джолити продолжал сдавать позиции на международной арене.

В Османской империи расчленение страны и интервенция оскорбили турок. В них проснулся угасший было воинский дух, они сплотились вокруг популярного генерала Мустафы Кемаля. Сокрушили своих противников внутри Турции, разгромили греческую армию. Но итальянское правительство, как и французское, от столкновения с кемалистами уклонилось. Предпочли договориться с ними, вывести свои оккупационные войска — а за это турки начали покупать у них оружие. Словом, торгаши и промышленники оказались в выигрыше, но при этом развеивались последние мечты о «Великой Италии»!

Сквадристы обвинили либералов в трусости и чуть ли не в измене. Устраивали манифестации. Шумели, что надо было воевать с сербами, отстаивать свои интересы на Балканах, надо было воевать с кемалистами, удержать доставшиеся области в Малой Азии. Премьер-министр Джолити в ответ на такие выступления задумал разогнать сквадристов. Не тут-то было. В парламенте у них нашлось множество сочувствующих. Многие политики оценили заслуги сквадристов в подавлении революционной волны, а негодование политикой либералов разделяло большинство итальянцев.

Попытки Джолити удалось сорвать. А Муссолини порвал с национал-либеральной партией и прекратил попытки найти общий язык с социалистами, 7 ноября 1921 г. он учредил отдельную партию — Национальную фашистскую. В данном случае под фашизмом подразумевался союз всех сил, желающих оздоровления страны и готовых деятельно бороться за это. Возглавил партию Большой фашистский совет, куда вошли лидеры разных объединившихся групп и фракций. А самого Муссолини теперь называли «дуче фашистов» — приставка «пикколо» давно канула в прошлое.

И если Италии только что удалось погасить социалистические и анархистские беспорядки, то само образование Национальной фашистской партии привело к новым потрясениям. Левые группировки почувствовали угрозу для себя. По разным районам и городам развернулись антифашистские выступления. Но покатались и повсеместные фашистские митинги, партия Муссолини зазывала сторонников. Призывала под свои знамена патриотов, призывала к борьбе с коррупцией и злоупотреблениями. Но дуче позаимствовал для своих программ многие популярные требования тех же социалистов и коммунистов — о расширении политических прав простого народа, повышении уровня жизни рабочих и крестьян.

По Италии стала вздуться вторая революционная волна, уже не «красная», а «черная». Новый премьер-министр Луиджи Факта (тоже из либеральной партии) наметил все-таки запретить фашистов. Начал прижимать их, настраивать против них правительство, парламент и общественное мнение. Но было уже поздно. Муссолини почувствовал массовую поддержку. Но почувствовал и другое: эту поддержку надо использовать немедленно. Иначе горячие симпатии остынут, неоправданные надежды свяжутся с кем-то другим. Вместе с «квадрумвирами», четырьмя предводителями чернорубашечников, — Эмилио Де Боно, Итало Бальбо, Чезаре Мария де Векки и Микеле Бьянки — он принял решение организовать поход на Рим.

Стоп... вот тут правомерно остановиться и задаться вопросом — а достаточно ли было всколыхнувшейся фашистской популярности для подобного предприятия? Нет. Со-

всем не достаточно. Задуманное дело требовало средств, причем весьма и весьма солидных. Но средства у партии нашлись. Их выделили олигархи итальянской промышленности. Те же самые хозяева заводов, которые очень уютно гребли прибыли под эгидой либералов, урвали колоссальный куш на мировой войне, на политических махинациях вроде продажи оружия Кемалю. Но промышленники были практичными людьми. После того как их предприятия чуть не превратились в эпицентры «советской власти», они начали понимать — сохранение старого положения слишком опасно. Это может привести к взрыву, который сметет их самих. Или, по крайней мере, грозит чудовищными убытками. А для наведения и поддержания порядка требовалась совсем иная власть, твердая рука. Муссолини для данной роли подходил.

Фашистский эксперимент поддержали не только итальянские закулисные силы. Поддержанием стабильности в Европе и пресечением революционной опасности в данное время были озабочены политические и деловые круги Великобритании. Имеются свидетельства, что с Муссолини завязал контакты и поддерживал переписку Уинстон Черчилль — в то время военный министр, а потом министр колоний Англии. Тут как тут оказались американские предприниматели: они давно научились «делать бизнес на революциях».

Но народная поддержка и впрямь оказалась весомой. 24 октября 1922 г. в Неаполе Муссолини сумел собрать на митинг 60 тыс. человек! Открыто заявил: «Программа нашей партии простая — мы хотим править Италией!.. Настало время фашистам заняться управлением Италией. Оно или будет передано нам добровольно, или мы пойдем маршем на Рим и сами захватим его в свои руки». Когда эти слова произносились на юге Италии, «квадрумвиры» уже всюду орудовали на промышленном севере, выводили на улицы колонны чернорубашечников, брали под контроль огромные города. Кое-где происходили стычки с военными и полицией, но редко. Либеральная власть до того достала итальянцев, что защищать ее желающих не находилось.

Красноречивым свидетельством дееспособности этой власти может служить и такой факт: премьер-министр Луиджи Факта узнал о «готовящемся перевороте» только 26 ок-

тября. В это время под властью фашистов уже находились Милан, Флоренция, Мантуя, Перуджа. На следующий день Муссолини приехал на поезде в Милан, а в Перудже разместились фашистский штаб и было издано воззвание о походе на Рим. Колонны чернорубашечников из разных городов зашагали к столице. По пути обрастали толпами добровольцев. Отборные отряды сквадристов начали вооружаться — для этого открылись склады заводов, производивших оружие. Но и армейские части симпатизировали фашистам, переходили на их сторону, передавали винтовки. Кстати, сам Муссолини в марше не участвовал. Он несколько раз фотографировался в колоннах и удалялся руководить со стороны.

Лишь теперь правительство забило тревогу. Факта встретился с королем Виктором Эммануилом III, объявил, что страна «на пороге мятежа», принялся готовить указ о переходе на «чрезвычайное положение». В ночь на 28-е король вызвал на переговоры депутатов от фашистской партии, других политиков, армейское командование, бывшего премьер-министра Антонио Саландру. Генерал Диац напыщенно заверял, что большая часть армии верна королю и правительству, способна дать отпор мятежникам. Но поступали и иные донесения, что к Риму движутся более 50 тыс. человек, а войска их поддерживают. Позиции фашистов принялся отстаивать даже приглашенный к Виктору Эммануилу Саландра. А от представителей касты промышленников и финансистов прозвучал прозрачный намек — ведь марш на Рим может дополниться дворцовым переворотом...

Нет, расставаться с тронем итальянский монарх не желал. Предпочел заявить, что не желает гражданской войны. Подготовленный Факта указ о чрезвычайном положении он не подписал и отправил премьера в отставку. Предложил сформировать новое правительство Саландре, а фашистам дать несколько министерских портфелей. Связались по телефону с Муссолини, но он отверг подобный вариант. Ответил: «Фашисты не для того потратили столько сил для организации марша на Рим». Потребовал пост премьер-министра. Король еще посоветался со своим окружением и 29 октября утвердил назначение. Муссолини приехал в Рим из Милана на поезде...

Сражаться за власть не пришлось. Виктор Эммануил принял его и поручил сформировать правительство. Король и дуче вместе встретили колонны чернорубашечников, вступающие в столицу. Парламент состоял в основном из либералов, но при таком раскладе не посмел противиться и вечером 30 октября узаконил новую власть. Муссолини стал не только премьер-министром, но и занял посты министров внутренних дел и иностранных дел. А один из самых богатых аристократов Италии, князь Торлонья, предоставил для резиденции дуче свой великолепный дворец — назначил за аренду чисто символическую плату, 1 лиру в год.

Лозунги и реальность

Манифест фашистов составлялся в 1919 г. Его авторами являлись Филиппо Маринетти и Алкеста де Амбриса. Естественно, он был одобрен и самим Муссолини. Но наиболее броские программные установки были позаимствованы у крайне левых партий. Например, всеобщее избирательное право, включая женщин и малоимущих граждан. Или народный контроль за важнейшими отраслями хозяйства — формирование «национальных советов» промышленности, транспорта, здравоохранения, связи. Намечалось введение 8-часового рабочего дня, повышение зарплаты, усиление роли профсоюзов, улучшение обеспечения по инвалидности, сокращение пенсионного возраста с 65 до 55 лет. Военные заводы предполагалось национализировать, прочих капиталистов обложить большим прогрессивным налогом. А от военных контрактов, самых выгодных, отчуждать 85 процентов прибыли. Кроме того, провозглашалась национализация церковного имущества, ликвидация структур епархий с передачей их доходов на нужды бедняков.

Но миновало всего три года, фашизм победил, и... манифест оказался явно устаревшим. Слишком устаревшим. Как можно было говорить о национализации заводов, об экспроприации олигархов, если именно они сделали ставку на фашистов и поддержали их прорыв к власти? Если владельцы заводов Милана и Турина продолжали финансировать партию, а аристократы наподобие князя Торлонья или барона Ачербо обеспечили ее авторитет в столице, при королевском дворе, перед дипломатическим корпусом?

Однако и другие пункты своих программ фашисты были не в состоянии реализовать. По итальянским законам правительство было ответственным перед парламентом и каждый свой шаг должно было согласовывать с ним. А парламент в Италии был весьма демократичным — туда набились делегаты от разных партий, и если одна из них предложит то или иное решение, соперники в любом случае могли объединиться и заблокировать его. Прежде чем предпринимать серьезные шаги по оздоровлению страны, требовалось изменить саму государственную систему. Но... и это упиралось в парламент! Получался замкнутый круг.

Чтобы вырваться из него, требовалось расширять свою опору. А в Италии огромное влияние сохраняла католическая церковь. Либеральные кабинеты уже давно пытались порушить религиозные традиции и отделить церковь от государства. Были ликвидированы институты священников в армии, христианские дисциплины исключили из школьных программ. Даже деревянные распятия, когда-то обязательно висевшие в судах, казармах, на почтах и в прочих государственных учреждениях, сочли «нетолерантными» и убрали. Тем не менее основная масса простонародья не утратила веру, священники оставались для них весомыми авторитетами не только в духовных, но и в светских делах.

Муссолини, как мы видели, вырос в атеистической семье, а в фашистских программах готов был пойти еще дальше либералов. Но... сиюсь укрепит свою власть, он пришел к противоположному выводу: нужно сделать католицизм своим союзником — не только против коммунистов, но и против либералов. 10 апреля 1923 г. он посетил Ватикан, провел переговоры с госсекретарем «святого престола» кардиналом Пьетро Гаспарри. Изложил уже совершенно другую программу. Обещал очистить Италию от коммунистов и масонов, привлекать к строгой ответственности за оскорбление религии. Восстановить все, что порушили либералы. Вернуть распятия в государственные учреждения, вернуть в армию капелланов, ввести в учебных заведениях обязательное религиозное воспитание. В Ватикане оценили, высказали одобрение.

В общем, социалистические и антицерковные лозунги Муссолини свернул. Вместо этого выдвигались установки

«корпоративизма» и «классового сотрудничества». Дуче заявлял, что борется отнюдь не за равенство. Наоборот, «фашизм утверждает неисправимое, плодотворное и полезное неравенство людей». Но оба класса, «низший» и «высший», имеют свои функции в обществе, должны выполнять свойственные им обязанности и сотрудничать между собой — это и будет залогом процветания нации.

Для достижения этого процветания начали предприниматься некоторые конкретные шаги. Фашисты ввели строгую цензуру средств массовой информации. Отряды сквадристов были преобразованы в Добровольную милицию национальной безопасности. Их узаконили как вспомогательные формирования полиции. Они патрулировали города, поддерживали порядок, и преступность сразу же снизилась. Жизнь становилась стабильной, благоустроенной, прекращались встряски. Кроме того, Муссолини сразу же проявил активность и решительность на международной арене.

В Ливии до сих пор действовало соглашение между правительством Италии и арабскими шейхами, предоставлявшее местным племенам значительную автономию. На деле это означало, что они жили сами по себе, итальянцы в их дела вообще не лезли. Муссолини данное соглашение расторг. Указал, что Триполитания и Киренаика должны стать полноценными итальянскими колониями. Арабы возмутились, взяли оружие. Возглавил восстание шейх дервишского ордена сенуситов Омар Мухтар. Но Муссолини направил туда войска под командованием генерала Грациани. Загремели бои за реальное, а не формальное покорение Ливии.

В Албании итальянцы тоже обозначили свое присутствие. Послали комиссию для демаркации границ между албанцами и греками. Но в августе 1923 г. группа офицеров во главе с генералом Энрико Теллини была убита в горах неизвестно кем. Муссолини предъявил ультиматум Греции. Требовал извиниться, найти и наказать виновных и выплатить компенсацию в 50 млн лир. Греки пробовали спорить, но в подкрепление ультиматума дуче послал войска и флот, они бомбардировали и захватили остров Корфу. Греция была в панике, обратилась в Лигу Наций. Международный арбитраж осудил захват острова. Но и никаких санкций против

Италии ввести не рискнул. Напротив, постановил, что грекам надо все-таки выплатить компенсацию.

Вроде, добились не слишком многого. Но насколько же подняли эти решения престиж Муссолини! Он показал всему миру: Италия — великая держава! Не второстепенная марионетка, послушно следующая в хвосте за Англией и Францией! Она способна отстаивать свои интересы! Ни перед кем не намерена заискивать и вилять хвостиком. А популярность политики фашистов, в свою очередь, помогала дальнейшим внутренним преобразованиям.

В ноябре 1923 г. заместитель Муссолини по партии барон Ачербо предложил в парламенте закон, кардинально меняющий выборную систему. Согласно «закону Ачербо», прежняя схема, когда места в парламенте делились пропорционально набранным голосам избирателей, отменялась. Отныне партия, набравшая большинство, получала две трети депутатских мандатов. И только оставшаяся треть делилась пропорционально между прочими фракциями. Поддержка финансовой и промышленной элиты Италии, военных, католической церкви сыграла свою роль. «Закон Ачербо» был принят.

Весной 1924 г. разгорелась предвыборная борьба. Была ли она честной? Вряд ли. Выборы не бывают честными никогда и нигде. Страсти накалялись. Фашисты всю использовали возможности, открывшиеся им через правительственные каналы. Использовали и свои отряды чернорубашечников. Где-то для агитации, а где-то — чтобы припугнуть противников. Или, по партийной традиции, напоить касторкой. Или арестовать, придравшись к каким-нибудь нарушениям. Социалистическая партия возмущалась, что не признает «закон Ачербо» и не желает играть по новым правилам, хотя тем самым сбила с толку своих сторонников и подыграла фашистам.

Выиграли они с триумфальным «счетом», набрали 66% голосов. То есть, и без всяких нововведений могли получить желаемые 66% мест в парламенте. Но и после выборов эмоции не улеглись. Оппозиция обвиняла фашистов в фальсификациях результатов. Один из видных социалистов, адвокат Джакомо Маттеотти, 30 мая 1924 г. вывалил ряд фактов, касающихся избирательных махинаций, потребовал аннули-

ровать результаты выборов. В общем-то, его разоблачения не играли серьезной роли. Было ясно, что в любом случае за фашистов голосовало подавляющее большинство избирателей. Да и факты, озвученные Маттеотти, никто не проверял. Скорее, собрали в кучу правду со слухами, дабы поднять обычный демократический скандал, повысить собственный рейтинг.

Но итальянцы — народ горячий. 10 июня Маттеотти похитили и убили. Кто именно, однозначно не доказано до сих пор. Однако обвинения сразу пали на фашистов. И вот тут-то раздулся такой скандал, что мало не покажется. От Муссолини отпали многие союзники, особенно перешедшие к нему из «старых», либеральных политических кругов Италии. Дуче и его помощники растерялись. Позже Муссолини признавался, что решительные действия в этот момент вполне могли свергнуть его правительство.

Но деятелей, способных возглавить противодействие фашистам, в Италии не нашлось. Вместо атаки на власть оппозиционные депутаты образовали «Авентинский блок», отказавшийся участвовать в работе нового парламента! Со всем отдали его фашистам! Ну а общественное мнение дуче постарался успокоить. Назвал виновником убийства активиста своей партии Америкго Думини и посадил его на два года. Действительно ли он прикончил Маттеотти или с ним договорились, чтобы выступил «козлом отпущения», остается неизвестным. Во всяком случае, в последующие годы Думини была назначена солидная пенсия от партии и выплаты от самого Муссолини.

В целом-то дуче добился именно того, чего хотел! Подавляющего большинства в парламенте! Опираясь на него, можно было вести дальнейшие реформы. В 1925 г. должность Муссолини стала именоваться не председателем совета министров, а «главой правительства». Но дело не ограничилось сменой вывесок. Отныне он становился подотчетным не перед парламентом, а только перед королем, и сместить его мог только король. Но и «закон Ачербо» был отменен. Вместо него опять вводился новый избирательный закон. Точнее, упразднялась сама система парламентских выборов! Большой фашистский совет становился не только

партийным, но и государственным органом. И именно Большой фашистский совет формировал единый список кандидатов. Этот список утверждался общенародным референдумом, и кандидаты становились депутатами парламента. Все прочие партии от выдвижения кандидатов и участия в выборах отстранялись (примерно такая система существовала в СССР, где в Верховный Совет и прочие советские органы выдвигались единые списки от «блока коммунистов и беспартийных», а народ голосовал за них).

Теперь в Италии установилось однопартийное правление и диктатура Муссолини — только он имел право созвать Большой фашистский совет и определял повестку дня. Он брал себе и министерские посты, которые считал нужными на данный момент — бывали периоды, когда он возглавлял семь министерств. Но было бы глубоко неверным представлять, что фашисты, дорвавшись до власти, отбросили все свои прежние обещания. Нет, многие пункты их программ выполнялись. Как раз такие пункты, которые касались реальных условий труда и жизни простых людей: повышения зарплаты, ограничения рабочего дня, обеспечения пенсионеров и инвалидов.

Устанавливался контроль за предприятиями промышленности, муниципальными органами, за учреждениями здравоохранения, образования. Он был не «народным», как в манифесте, он был партийным — через фашистские структуры. Но результаты приносил неплохие. Искоренялись злоупотребления. Граждане почувствовали себя более защищенными. Человек, обиженный теми или иными должностными лицами, получал возможность пожаловаться в фашистские советы и комитеты, начиналось разбирательство.

Возобновление боевых действий в Ливии и реорганизация армии поддержали промышленность военными заказами. Внедрялись масштабная государственные проекты по строительству железных и шоссейных дорог. В результате сходил на нет безработица. Политическая и экономическая стабильность в Италии привлекали и иностранных предпринимателей. Так, режим Муссолини взялся финансировать один из крупнейших финансовых концернов США «Американ Интернешнл Корпорейшен». Руководитель этой фирмы Отто Кан убеждал других банкиров, что «американский ка-

питал, инвестированный в Италии, найдет безопасность, поощрение, возможности и вознаграждение».

Муссолини здорово прищемил хвост преступности. Покусился даже на сицилийскую «Коза ностра», привыкшую считать себя всемогущей. Нет, дуче решил утвердить, что правительство в Италии одно, и оно находится в Риме, а не на виллах «крестных отцов». Префектом в Палермо был назначен один из самых решительных фашистских деятелей, Чезаре Мори. Дуче предоставил ему чрезвычайные полномочия. Поучал: «У вашего превосходительства карт-бланш. Государственная власть в Сицилии должна быть восстановлена абсолютной. Я повторяю — абсолютной. Если существующие законы будут мешать вам, это не будет проблемой, мы издадим новые».

Чрезвычайные права в самом деле понадобились. Мафия оказала отчаянное сопротивление, подняла всех бандитов. Некоторые сицилийские города пришлось осаждать войсками, брать штурмом. В борьбе с мафией фашисты применили и методы самой мафии. Допрашивали пойманных гангстеров с «пристрастием», захватывали в заложники их жен и детей. И все-таки одолели. «Крестные отцы» со своими громиллами побежали прочь, за океан — именно тогда сицилийская мафия стала утверждаться в США. Там получалось уютнее, безопаснее.

Но противником фашистов была не только мафия. Пытались пакостить социалисты, коммунисты, анархисты. На Муссолини периодически устраивались покушения. В 1927 г. в него стреляла англичанка Виолетта Гибсон. Промахнулась, пуля задела лишь кончик носа. Экспертиза признала террористку ненормальной, и дуче, не желая омрачать отношений с Англией, выдал ее на родину. В том же году в машину Муссолини стрелял юный анархист Антео Дзамбони. Толпа схватила его и растерзала на части — настолько высокую популярность успел заслужить фашистский правитель!

А гайки диктатуры со временем закручивались. В 1926 г. был учрежден Специальный трибунал безопасности государства — его приговоры считались окончательными и не подлежали обжалованию. К 1928 г. были распущены и запрещены все политические партии, кроме фашистской. Анархистов и социалистов разогнали после очередных покушений на

дуче. А насчет остальных ставился риторический вопрос — если они выступают против государства и блага итальянского народа, то имеют ли они право на существование? Если же «за», то они единомышленники фашистов, пускай присоединятся к правящей партии.

Однако представление о «политическом терроре», который приписывают фашистам, нередко оказываются преувеличенными. С учреждения Специального трибунала безопасности и до падения Муссолини было возбуждено 21 тыс. обвинений в политических преступлениях. Из них более 15 тыс. человек было оправдано следствием, около 1 тыс. оправдано по суду, а количество осужденных на различные сроки заключения составило 4596 человек. Согласитесь, за 17 лет это совсем не много.

Зато порядок и безопасность в Италии укрепились ох как ощутимо! А на этом фоне реализовывались новые проекты по повышению благосостояния народа. В 1927 г. под руководством министра земледелия Ачербо (того самого, который предлагал избирательный закон) в провинции Пескара началось создание сельскохозяйственных коммун. С 1928 г. развернулась так называемая «Зеленая революция». Были организованы масштабные работы по осушению болот на берегах Тирренского и Адриатического морей. Собирали потрудиться безработных, бедняков, обеспечивая их заработком. Ликвидировался рассадник малярии, вместо болот предполагалось получить значительные территории плодородной земли — их делили на участки для малоимущих крестьян.

Да и в международных делах Италия вела себя все более уверенно. У берегов Турции она удержала Додеканесские острова. На самом большом из них, Леросе, Муссолини распорядился строить военно-морскую базу. Застолбить и продемонстрировать, что восточная часть Средиземного моря — это тоже сфера интересов Италии. Он вообще заявлял, что Средиземное море должно стать для итальянцев «нашим морем».

А уж соседний регион, Балканы, тем более воспринимался как «наш». Несправедливо отнятый приз прошлой войны! Италия взялась поддерживать подрывную деятельность против Югославии — хорватских, словенских, македонских сепаратистов. Что касается статуса Албании, то он оставался довольно неопределенным. Здесь соперничали и боролись за

влияние Югославия, Италия, Греция. Турция до сих пор считала страну своей собственностью. Но Албания жила сама по себе. Избирала парламент, он формировал правительство. Или видимость правительства — в горах царили патриархальные обычаи и народом руководили местные группировки знати.

Самой весомой из них был клан Ахмеда Зогу, и Муссолини подкатился к нему с предложением. Не хочет ли Зогу стать королем? Италия его поддержит. Но при условии — если он признает над собой верховную власть Италии. Зогу прикинул и согласился. Назвал цену в 10 млн лир, якобы на организацию учредительного собрания. Ну и еще кое-какие подачки по мелочам. Деньги ему дали, собрание он провел. Из других вождей кого-то подкупили, кого-то припугнули. В 1928 г. Албания превратилась в королевство, а Зогу, как было условлено, признал себя вассалом итальянского Виктора Эммануила III. Югославия и Турция протестовали. Но ведь решение, вроде бы, было албанским, «внутренним». Не станешь же воевать с Италией, чтобы она отказала Зогу!

Зато Муссолини торжествовал. Его мечты о «Великой Италии» начали воплощаться! В это же время обозначился перелом в ливийской войне. Количество войск под началом Грациани наращивалось. У него собралась целая армия с танками, самолетами. Арабы терпели поражения. Итальянцы занимали ключевые пункты, оазисы. Были устроены концлагеря, туда без суда отправляли население, заподозренное в связях с повстанцами — общее количество заключенных достигло 125 тыс. человек. В 1929 г. часть местных лидеров во главе с Хасаном ар-Ридом ас-Сенуси вступила в переговоры с итальянцами и подписала капитуляцию. Арабы разоружались, признавали подчинение итальянскому губернатору. Самый решительный из вождей, Омар Мухтар, отверг подобные условия, продолжил партизанскую войну. Но племена раскололись, сопротивление надломилось.

Ко всем своим прочим успехам дуче сумел добавить такое дело, которое либеральные власти не смогли осилить за 60 лет. Урегулировал отношения с Ватиканом, нарушенные в 1870 г., когда королевские войска вошли в Рим и отобрали папские владения. От былого воинствующего ате-

изма Муссолини не осталось следа. Антицерковный роман о кардинальской любовнице и прочие произведения, который он запальчиво строчил в молодости, были теперь изъяты из обращения. Исчезли, словно их никогда не было.

Периодически дуче возобновлял консультации с папскими дипломатами. В 1927 г. он принял католическое крещение. А в 1929 г. Муссолини и кардинал Гаспарри подписали Латеранские соглашения. Конфликт между папским престолом и Итальянским королевством ликвидировался. Италия признавала Ватикан отдельным государством с особыми правами управления, утверждала его границы. Папа, в свою очередь, отказывался от претензий на утраченные земли, за что получал компенсацию в 750 млн лир. При этом католицизм провозглашался единственной государственной религией в Италии. 10 главных церковных праздников и воскресенья официально объявлялись нерабочими днями. Епископы должны были приносить присягу королю, духовенство широко привлекалось для работы в системе просвещения.

Таким образом, идеи о всеобщем благоденствии дуче попытался соединить уже не с социалистической, а с консервативной основой — созданием обширной империи, опорой на церковь и аппарат монархического государства. Результаты его политики красноречиво подвели очередные парламентские выборы в 1929 г. Они проходили уже по новому закону. То есть избирателям предлагался готовый список кандидатов, и предстояло проголосовать за весь список — или против. Кстати, это были первые в Италии выборы, в которых участвовали женщины. «За» проголосовало более 8,5 млн человек, «против» 130 тыс. Как видим, голосовать «против» было все-таки можно. Но народ однозначно поддержал фашистскую власть.

2. ГЕРМАНИЯ

Адольф Гитлер

Объединение Германии из десятков королевств произошло даже позже, чем объединение Италии. Осуществлялось оно не в революциях, а в войнах. Пруссия сплыва-

ла вокруг себя германские земли под гром пушек — разгромила Данию, Австро-Венгрию, Францию. Соответственно, держава получилась очень воинственной. Присматривалась, что бы еще прибрать к рукам. Австро-Венгрию перетянула в союз, наводила мосты с Турцией. До поры до времени немецкие аппетиты приструнила Россия, взяв под покровительство разбитую Францию и заключив с ней оборонительный альянс.

Но агрессивные устремления не угасали. К началу XX в. Германию и Австро-Венгрию захлестывали мутные волны воинствующего пангерманизма. По сути, доводились до логического завершения общепризнанные в ту эпоху колониальные теории о превосходстве «цивилизованных» народов над «отсталыми», о великой «миссии белого человека» управлять миром. Пангерманисты провели еще одну градацию — внутри «цивилизованных» народов. Кто самый умный, дисциплинированный, храбрый? Конечно, немцы! Значит, им по праву должно принадлежать на земном шаре ведущее место.

Эти теории порождались отнюдь не безобидными чудаками или любителями сенсаций. Это была официальная идеология кайзеровского Рейха (империи). Утверждалось о «превосходстве германской расы», Франция объявлялась «умирающей», а славяне — «этническим материалом» и «историческим врагом». Начальник германского генштаба Мольтке писал: «Латинские народы прошли зенит своего развития, они не могут более внести новые оплодотворяющие элементы в развитие мира в целом. Славянские народы, Россия в особенности, все еще слишком отсталые в культурном отношении, чтобы быть способными взять на себя руководство человечеством... Британия преследует только материальные интересы. Одна лишь Германия может помочь человечеству развиваться в правильном направлении. Именно поэтому Германия не может быть сокрушена в этой борьбе, которая определит развитие человечества на несколько столетий».

А начальник военно-исторического отдела генштаба Бернгарди в книге «Германия и следующая война» (она стала бестселлером, распространялась огромными тиражами)

разъяснял: «Война является биологической необходимостью, это выполнение в среде человечества естественного закона, на котором покоятся все остальные законы природы, а именно закона борьбы за существование. Нации должны прогрессировать или загнивать». «Требуется раздел мирового владычества с Англией. С Францией необходима война не на жизнь, а на смерть, которая уничтожила бы навсегда роль Франции как великой державы и привела бы ее к окончательному падению. Но главное наше внимание должно быть обращено на борьбу со славянством, этим нашим историческим врагом».

Другой официальный идеолог, Рорбах, доказывал: «Русское колоссальное государство со 170 миллионами населения должно вообще подвергнуться разделу в интересах европейской безопасности». Ему вторил видный пангерманист Хен, писавший о русских: «У них нет ни чести, ни совести, они неблагодарны и любят лишь того, кого боятся... Неспособность этого народа поразительна, их умственное развитие не превышает уровня ученика немецкой средней школы... Без всякой потери для человечества их можно исключить из списка цивилизованных народов». Уже упоминавшийся Бернгарди деловито прогнозировал: «Мы организуем великое насильственное выселение низших народов».

Подобными идеями увлекался кайзер Вильгельм II, в 1912 г. он писал: «Глава вторая Великого Переселения народов закончена. Наступает глава третья, в которой германские народы будут сражаться против русских и галлов. Никакая будущая конференция не сможет ослабить значения этого факта, ибо это не вопрос высокой политики, а вопрос выживания расы». А надо сказать, что культ кайзера пронизывал всю жизнь Германии. Его портреты красовались в каждом доме, о нем слагались стихи и песни. Выходили соответствующие книги, например «Кайзер и молодежь. Значение речей кайзера для немецкого юношества». В предисловии указывалось, что Вильгельм — «источник нашей мудрости, имеющий облагораживающее влияние».

Сам кайзер был человеком неуравновешенным, крайне тщеславным. Генерал Вальдерзее рассказывал: «Он буквально гонится за овациями, и ничто не доставляет ему такого

удовольствия, как “ура” ревущей толпы... так как он чрезвычайно высокого мнения о своих способностях». Что ж, в ревущих толпах недостатка не было. Германского обывателя возбуждали лозунги «крови и железа», «историческая миссия обновления дряхлой Европы». Пропаганду грядущей войны раскручивали многочисленные организации: «Пангерманский союз», «Военный союз», «Немецкое колониальное товарищество», «Флотское товарищество», «Морская лига», «Союз обороны», «Югендвер», «Юнгдойчланд бунд» и т. п. На торжественных шествиях студенты или бюргеры браво маршировали, горланя песню «Дойчланд, Дойчланд юбер аллес!» («Германия, Германия превыше всего»).

Возникали планы «Великой Германии» или «Срединной Европы», в которую должны были войти Австро-Венгрия, Балканы, Малая Азия, Польша, Скандинавия, Бельгия, Голландия, часть Франции. Россию следовало отбросить в границы допетровской «Московии», отобрать у нее Прибалтику, Белоруссию, Украину, Крым, Кавказ, превратить Черное море в «немецкое озеро». Все это соединялось с «Германской Центральной Африкой» — ее предполагалось образовать за счет бельгийских, французских, британских колоний. Предусматривалось распространить влияния на Южную Америку — в противовес США. А через Турцию намечалось двигаться на просторы Азии: в Иран, Афганистан, Индию. Кайзер позировал в турецкой феске и объявлял себя покровителем мусульман всего мира.

Агрессивный ажиотаж охватывал в эти годы подавляющее большинство немцев, австрийцев, венгров. Даже оппозиционные социалисты поддерживали завоевательные устремления. Доказывали, что Германия самая передовая держава, а значит, и завоевания будут прогрессивными, пойдут на пользу человечеству. А царская Россия объявлялась главным тормозом на пути прогресса, война против нее в любом случае одобрялась. Были и попытки объединить социализм с национализмом. В 1904 г. в Австро-Венгрии среди судетских немцев возникла «Немецкая рабочая партия», и ее лидер, Юнг, написал книжку «Национал-социализм».

Еще одной особенностью Германии стало значительное ослабление религиозных начал. Так уж сложилось историче-

ски. В Средневековье здесь орудовали секты манихеев, николаитов, катаров, вальденсов. А с Ближнего Востока вернулся Тевтонский орден рыцарей-крестоносцев. Он обосновался возле Балтийского моря, принялся отвоевывать у язычников Пруссию, Померанию, Прибалтику, пытался наступать на Русь. Но тевтонские рыцари, как и их коллеги из ордена тамплиеров, принесли с Востока тайные учения, практиковали в своих замках далеко не христианские магические ритуалы.

В XVI в. Германию расколола Реформация, начались жестокие войны между католиками и лютеранами, появились анабаптисты и прочие радикальные секты. И в этой мешанине заявил о себе орден розенкрейцеров. Он обращался к «сокрытой мудрости» древних язычников, к мистериям древнего Египта, Вавилона, Греции. На основе этих учений выворачивалось христианство, евангельским сюжетам придавался переносный смысл, и утверждалось, что человек, усвоивший спрятанные от непосвященных магические знания, может стать наравне с Богом. Ему откроется общение с некими «Высшими Неизвестными», власть над силами природы и всем миром, путь к бессмертию.

Розенкрейцеры выступали специалистами в области астрологии, алхимии, каббалистики. Они получали покровительство и теплые места при дворах властителей германских княжеств, прусских королей. Орден соединился с масонами и сам породил несколько масонских течений. Но в Германии даже на оккультные учения наложились националистические настроения. Ну а как же, страна объединялась, громила одних врагов, потом копила силы, чтобы громить других. Для немецких дворян и интеллигенции оказывалось недостаточно египетской или еврейской мудрости. Хотелось осознать, что они сами не хуже, найти нечто «исконное», германское.

Началось увлечение рунической магией, германской языческой мифологией. Еще одним повальным увлечением стали работы Блаватской. Заговорили о поисках «прародины ариев», теории Блаватской соединялись с розенкрейцерскими. Аналогичным образом немецкие интеллектуалы подхватили книгу Ницше «Так говорил Заратустра». Кстати сказать, она не имеет никакого касательства ни к истори-

ческому Заратустре, ни к историческим ариям. И если разобратся, то работа душевнобольного философа оказывается всего лишь отрицанием христианства, попыткой изобразить некие противоположные истины. «Добей упавшего». «Отвергни мольбу о пощаде». «Война и смелость творит больше великих дел, чем любовь к ближнему». Идеал — «белокурая bestия». Идеал антихристианский. Bestия — означает «зверь». То есть антихрист.

Невзирая на столь опасные тенденции, поисками «древней мудрости» заразилось даже духовенство. Настоятель австрийского монастыря Ламбах Теодор Хаген отправился в экспедицию по Кавказу и Ближнему Востоку, привез множество старинных рукописей. Их взялся изучать цистерцианский монах Йорг Ланс фон Либенфельс. Настолько впечатлился, что порвал с католицизмом, создал в Вене «Орден нового храма». Один из последователей Либенфельса фон Лист в 1908 г. стал руководителем дочернего «ордена Листа». Его отделения появились в Германии, называли себя «Ложа Вотана». За образец брались масонские структуры, но наполнялись германским языческим содержанием. В 1912 г. «Ложа Вотана» была преобразована в более широкий Германский орден — подразумевалась его преемственность и от розенкрейцеров, и от Тевтонского ордена крестоносцев. Разве что акценты сместились. Крестоносцы завоевывали земли под предлогом крещения язычников. А сейчас христианство отвергалось ради утраченных языческих «ценностей». Вместо креста на эмблемах Германского ордена и прочих подобных обществ появились руны или знак свастики.

Все эти веяния формировали мировоззрение Адольфа Гитлера. Он был уроженцем австрийского городка Браунау, остался без отца, в юности отлично рисовал и мечтал стать художником. Для совершенствования своих способностей отправился в Вену, мать высылала ему содержание, вполне достаточное для жизни. Но к систематическому образованию Гитлера абсолютно не тянуло. Он варился в мутной среде недоучек, опустившихся интеллектуалов, околачивался по дешевым кафе, ночлежкам, подрабатывал писанием вывесок, иллюстрациями в газетенках. Жадно вбирал модные в то время идеи... Через много лет, задним числом,

престарелый бывший монах Либенфельс объявлял его своим последователем, даже учеником. Но тут уж патер приврал. Очевидно, пыжился выставить себя самого фигурой мирового уровня. Судя по всему, Гитлер был знаком с брошюрками Либенфельса. Но он читал и другую подобную макулатуру, варился в атмосфере разговоров на подобные темы, и оккультные, расистские политические идеи перемешивались в молодой голове.

Пангерманизм он воспринял близко и болезненно, войну встретил с энтузиазмом, впоследствии писал, что «само существование германской нации было под вопросом». Но сражаться за разношерстную империю Габсбургов, зараженную «славянством» и «еврейством», Гитлер не хотел. От призыва в австро-венгерскую армию он уклонился. Перебрался в Мюнхен и подал прошение зачислить его добровольцем в германскую часть. Ходатайство удовлетворили, он был зачислен во 2-й Баварский полк. Позже Гитлер вспоминал: «Я оглядываюсь на эти дни с гордостью и тоской по ним». Очевидцы подтверждали, что служил он образцово. Попал на Западный фронт, во Фландрию. Выполнял в роте обязанности связного. Доставлял приказы и донесения под самым жестоким огнем, за это был награжден Железным крестом II степени.

Но война состояла не только из боев и подвигов. Уже тогда, в Первую мировую, немцы отметились страшной жестокостью. В Бельгии, Франции, в оккупированных областях Российской империи во множестве расстреливали заложников из мирного населения — это считалось целесообразным и внедрялось преднамеренно: заранее запугать жителей, чтобы не возникало мыслей о сопротивлении. Еще более свирепо захватчики бесчинствовали в Сербии. Объявляли, будто мстят за эрцгерцога Франца Фердинанда. Оставляли за собой сожженные деревни с грудями трупов, вереницами повешенных. А союзница Германии и Австро-Венгрии. Османская империя, в 1915 г. развернула геноцид христианских народов — армян, айсоров, халдеев, сирийских христиан. Германия не сочла нужным одернуть ее, предоставила истребить более 2 млн человек.

Задолго до рождения нацизма разрабатывались и программы переустройства мира, «германизации» захваченных

земель. Первым полигоном для подобных экспериментов стали западные области России, занятые немцами в 1915 г. Возглавил эту работу начальник штаба Восточного фронта генерал Людендорф. В рамках намеченных проектов поляков и русских предполагалось куда-нибудь депортировать, а верхушку литовцев и латышей «огерманить». Все русские, польские, латышские, литовские учебные заведения закрывались, преподавание разрешалось только на немецком языке. Он признавался единственным официальным языком на захваченных землях. Для более успешной «германизации» планировалось направлять на восток немецких переселенцев, отдать им земли русских хозяев и Православной церкви. Ну а прочим, «негерманизированным» жителям предназначалась участь рабов. Их грабили повальными реквизициями, забирали на принудительные работы в Германию — из одной лишь Бельгии вывезли 700 тыс. человек.

Но выяснялось, что немцы слишком рано примеряли на себя роль хозяев. Сражения затягивались. В тылу не хватало самого необходимого, люди находились на грани голода. А с фронтов приходили извещения о гибели родных, приезжали покалеченные. Гитлер в октябре 1916 г. был ранен в ногу. После излечения ему дали отпуск, он побывал в Берлине и Мюнхене. Общее уныние и пораженческие настроения произвели на солдата ужасное впечатление. Именно тогда ему пришла мысль после войны заняться политикой. В полк он вернулся с радостью, «как в родную семью». В сражениях 1918 г. во Франции был награжден грамотой за храбрость и Железным крестом I степени. Эта награда по рангу считалась офицерской. Солдат, заслуживших ее, направляли в офицерские училища или, по крайней мере, производили в унтер-офицеры. Но, по иронии судьбы, начальство сочло, что Гитлеру не хватает «командирских качеств». Он остался ефрейтором, попал под обстрел химическими снарядами, ослеп. Его едва сумели вылечить. А когда выписался из госпиталя, Германия уже рушилась.

Демократы и либералы подспудно наводили мосты с противником. Радикальных революционеров вовсю подогревали российские большевики, слали деньги, инструкторов, формировались отряды «спартаковцев». Патриоты тоже пытались

мобилизовать сторонников. Сплачивались вокруг популярных генералов, тех или иных политических группировок. Силились расширить свое влияние и оккультисты из «Германского ордена». Набирали единомышленников, искали контакты с близкими организациями. А рядом с фигурой главы ордена фон Поля вынырнул некий барон фон Зеботтендорф.

Точнее, он был отъявленным авантюристом по фамилии Глауэр. Привлекался к суду за мошенничество и подделку денег, бродяжничал по разным странам. Очень интересовался оккультизмом и в Турции пристроился к богатому еврею Термуди, учился каббалистике, получил масонское посвящение в ложе «Французский ритуал Мемфиса». Стал зарабатывать астрологией, лекциями и кружками по оккультным дисциплинам. Фон Полю самозванный барон понравился, сумел пустить пыль в глаза, и ему было поручено создавать филиал «Германского ордена» в Баварии

Авантюрист оказался отличным организатором, набрал полторы тысячи человек. Нашел и средства. Штабквартиру устроили в фешенебельной гостинице «Четыре времени года», украсили изображениями свастики с кинжалом. Придумали для баварского филиала новое название, «Общество Туле». Официальными задачами провозглашалось изучение древней германской истории и культуры. Однако подобными изысканиями общество не ограничивалось, Зеботтендорф-Глауэр нацеливался на активное участие в политической жизни. Он приобрел газетенку «Мюнхенер беобахтер» («Мюнхенский обозреватель»), редактором стал член «Туле» журналист Харрер. Газету потом переименовали в «Фелькишер беобахтер» («Народный обозреватель»). Кроме того, планировалось развернуть агитацию среди рабочих. Тот же Харрер и другие члены общества, инженер Федер и слесарь Дрекслер, сколотили «Комитет свободных рабочих за хороший мир» — через несколько месяцев он превратился в «Немецкую рабочую партию».

Революцию в Германии Зеботтендорф воспринял как катастрофу, призвал последователей на подвиги во имя языческой «троицы»: «Вотана, Вили и Ви». Доказывал необходимость бороться, «пока свастика не воссияет над холодом темноты». Хотя сразу же выяснилось, что бороться с ком-

мунистами у него кишка тонка. Власть в Баварии захватили «спартаковцы». Красногвардейцы разгромили штаб-квартиру «Туле». Семерых членов руководства арестовали и расстреляли. Остальные попрятались. Правда, еще хорохорились, начали готовить теракты против советских лидеров. Но ничего толкового совершить не сумели и не успели.

Нашлись более серьезные силы. Патриотически настроенные офицеры собирали отряды добровольческого «фрайкора», германское правительство двинуло на Мюнхен регулярные части, и Баварскую республику ликвидировали за неделю. А верхушка «Туле», выйдя из подполья, тут же перессорилась. Зеботтендорфа стали обвинять, что он слишком небрежно хранил списки, и именно из-за этого погибли люди. Всплыла и пропажа общественных денег, барон их якобы потерял. Он предпочел убраться в Вену, а вчерашние товарищи исключили его из «Туле».

Что же касается Гитлера, то его после госпиталя направили служить конвойным в лагерь военнопленных в Траунштейтене. Но в марте 1919 г. пленных освободили, и ефрейтор оказался не у дел. Вступил во «фрайкор», чтобы воевать с большевиками, однако до участия в боях у него дело не дошло. Гражданская война в Германии получилась короткой, красные мятежи раздавили быстро. Теперь армию расформировывали. У военных сохранялась надежда, что Антанта смилостивится, сохранит немецкую армию против Советской России. Но эти расчеты не оправдались, победители подтверждали требования разоружаться.

Офицерам и солдатам предоставлялось устраиваться как угодно. А как тут устроишься, если выплеснулись миллионы безработных в шинелях? Демобилизованным приходилось туго. Например, будущий начальник нацистских спецслужб Гиммлер был вынужден жить на содержании проститутки Фриды Вагнер, потом поехал на поклон к отцу, с которым был в ссоре, и тот принял его управляющим на птицеводческую ферму. Будущий рейхсмаршал авиации Геринг сумел каким-то образом сберечь свой самолет и зарабатывал на ярмарках, катал за деньги состоятельную публику. Другому военному летчику, будущему начальнику гестапо Мюллеру повезло больше — его приняли рядовым сотрудником в баварскую полицию.

У Гитлера пристанища не было. Он вернулся в Мюнхен, в опустевшие казармы своего 2-го баварского полка. В армии царил неразбериха, ее круто сокращали и реорганизовывали в профессиональный рейхсвер. Начальство оценило верность Гитлера «родной» части, разрешило жить в казарме — заодно будет кому прибрать, помыть полы. Участие в судьбе безработного ефрейтора принял капитан Эрнст Рем. Он служил в штабе командующего Баварским округом фон Эппа, а в офицерской среде вовсю обсуждались идеи — нельзя ли увильнуть от версальских условий? Сохранить некую «скрытую» армию? В рамках подобных проектов было решено устроить курсы «билдунгсофицеров» — «офицеров-воспитателей», что-то вроде пропагандистов (слово «офицер» в названии было условным, офицерских званий курсы не давали).

На эти курсы Рем направил и Гитлера. Окончив их, ефрейтор был прикомандирован к политическому отделу баварского рейхсвера. Но опять на птичьих правах. Штатных должностей для него не было, оплаты он не получал, только кормили по солдатской норме и сохраняли за ним койку в казарме. Да и функции самого политического отдела оставались неопределенными. Хотя политическая жизнь в Германии бурлила. Возникали многочисленные партии, о большинстве из которых никто не знал за пределами «своей» пивной. Тут были и националисты, и демократы, и сепаратисты. Ведь со времени объединения Германии прошло всего полвека, вот и шумели, не лучше ли снова разделиться?

12 сентября 1919 г. начальник Гитлера капитан Майр послал его в пивную «Штернекерброй», где происходило собрание Немецкой рабочей партии Дрекслера. Просто разузнать, что это за организация, изобразить какую-нибудь работу. Партия была та же самая, которую создавали активисты общества «Туле». Дрекслер успел написать брошюру «Мое политическое пробуждение», а в соавторстве с Федером еще одну — «Как сбросить ростовщичество?». Но без пронырливого Зеботтендорфа все у них пошло наперекосяк. В партии насчитывалось 85 членов, а на собрании было 46. Один из ораторов повел речь об отделении Баварии, и Гитлера задело за живое, он выступил с горячей отповедью. Его первая в жизни речь понравилась Дрекслеру. Слесарь подарил ефрей-

тору свою брошюру, а через несколько дней прислал открытку, что тот принят в партию. Кстати, без всякого заявления со стороны Гитлера.

Тем не менее он согласился. Он уже понял, что в армейском политическом отделе делать ему нечего. Рем поддержал его. Гитлер принялся ходить на очередные партийные собрания, и неожиданно у него обнаружили таланты оратора. Это привлекало людей. Микроскопическая партия стала расти. В октябре 1919 г. в пивной «Хофбройхаузкеллер» Гитлера слушало 100 человек, а в феврале 1920 г. он уже снял для митинга самый большой зал этой пивной, собралось 2000. Его козырем стали и связи с военными. Рем выхлопотал из фондов Баварского военного министерства 60 тыс. марок. На эти деньги Гитлер выкупил и реорганизовал захиревшую газету «Общества Туле» «Фелькишер беобахтер», она стала партийным органом. А сослуживцы Рема смогли воплотить идеи о «скрытой армии», при партии начали формироваться штурмовые отряды.

Рем обеспечил их формой с армейских складов, раздобыли и кое-какое оружие. Ведь излишки военного имущества все равно предстояло сдать победителям или уничтожить — и офицеры по знакомству отдавали его. А форма и военизированные отряды привлекали внимание, выделяли партию из политической мешанины. Она становилась центром для объединения близких группировок. Например, очень похожую партию пытался формировать в Нюрнберге Шлейхер, она называлась Немецкой социалистической.

А судетские немцы при расчленении Австро-Венгрии силились присоединиться к Австрии или Германии. Провозгласили автономное самоуправление в четырех районах, где немцы составляли большинство населения, создали местные правительства, отряды самообороны. Немецкая рабочая партия Юнга поддержала эти чаяния. В 1918 г. она была развернута в более широкую организацию, Немецкую национальную социалистическую партию. Но не тут-то было. С пожеланиями судетских немцев державы Антанты не считались, отдали их области в состав Чехословакии. Чешское правительство бросило войска, разгромившие сторонников автономии. Некоторых лидеров пересажали, другие эмигрировали в Германию.

В Мюнхене Юнг и другие предводители обиженных судетских немцев нашли общий язык с Дрекслером и Гитлером, и 8 августа 1921 г. произошло что-то вроде конференции. Объединились три партии — мюнхенская Немецкая рабочая, нюрнбергская Немецкая социалистическая и юнговская Немецкая национальная социалистическая. Названия трех партий перемешали вместе, получилось Национал-социалистская немецкая рабочая партия, НСДАП. А программу — «Двадцать пять пунктов» — составили Дрекслер, Гитлер и Федер.

Эта программа выглядела круто революционной и мало отличалась от программ социалистов. Провозглашалась борьба за блага простого народа, требования прижать толстосумов, промышленников, крупных землевладельцев. Даже флаг был революционным, красным. Только его дополнили магической символикой — свастикой в белом круге. Это знак языческого жертвенника и горящего в нем огня. Ну а численность партии даже после объединения с двумя другими составила всего лишь 3 тыс. человек.

Пивной путч

В Первой мировой войне Германия не знала сокрушительного разгрома. Не знала вторжения неприятельских армий на свою землю. Революционные взрывы и соглашательское правительство привели ее к капитуляции, когда фронты еще держались. Не успел выветриться буйный энтузиазм, с которым немцы начинали войну, оглушающие фанфары успехов — как их выставляла германская пропаганда. Тем более обидной оказалась та грязь, в которую окунули Германию.

Миллионы немцев одним махом потеряли даже собственное отечество. Победители так перекроили границы, что они вдруг очутились в пределах Польши или Чехословакии. А поляки и чехи пыжились продемонстрировать собственное превосходство над ними, унижали, задирали носы. Примерно таким же образом французы вели себя в Эльзасе и Лотарингии, старались отыгаться за полвека, когда этими областями владела Германия. Но и в германском Сааре распоряжалась французская администрация, притесняла и оскорбляла немцев, не упускала случая поиздеваться. Впрочем,

по всей Германии большинство немцев чувствовали себя так, будто их страна оккупирована.

Еще вчера самым престижным было положение воинов. Перед фронтовиками с боевыми наградами люди на улицах уважительно снимали шляпы. Еще вчера заводские мастера, техники, рабочие считали себя почтенными гражданами, опорой государства, надежными кормильцами семей. Теперь повальные демобилизации соединились с демократизациями. А демократизации — с «приватизациями». Государственная собственность растаскивалась стаями хищников. Военные заводы останавливались. Социальные и экономические программы становились прикрытиями чудовищных злоупотреблений. А недавние герои в истрепанных мундирах вместе с голодными безработными занимали очереди на биржах труда. Бесцельно околачивали пороги, не в силах найти себе место в новой жизни. Хватались за любую работу вдовы, оставшиеся без кормильцев.

Новыми хозяевами Германии оказались финансисты и спекулянты, нувориши, маклеры, жулье. Те, кто организовывал демократическую перестройку страны и те, кто подсутился приспособиться, присосаться к жирным кормушкам. Старые ценности больше не котировались — честь, репутация, доброе имя. Новая элита выстраивала совершенно другие системы ценностей. Газетенки захлебывались желтыми сенсациями, платные журналисты наперебой осмеивали именно то, что вчера было дорого — идеалы империи, национальный дух, армию.

Простые немцы высчитывали свои жалкие марки и пфенниги: как растянуть их, как правильнее потратить? Шагали пешком, экономя несколько монеток на трамвай. А рядом проносились шикарные лимузины. Мучили запахи из дверей ресторанов. Сверкали огнями и гремели музыкой кафешантаны, варьете — это оттягивались новые хозяева. До войны Германия славилась строгой нравственностью, на границе бдительные таможенники даже выдирали из французских журналов картинки с «неприлично» приподнятыми юбками. Но сейчас Германия переплюнула по разврату даже Францию. Это тоже был признак вкуса новых хозяев. Афиши берлинских зрелищных заведений соревновались в ко-

личестве. Обещали «100 голых женщин...», «200 женщин без всякой одежды», «300 женщин, абсолютно голых». В общем, сколько вместит сцена. А нанять можно было сколько угодно, потому что несчастным немкам ничего не платили. Их нанимали выйти в чем мать родила только за еду.

А уж богатые иностранцы вели себя, словно в покоренной колонии. Перед ними почтительно склонялись чиновники и полицейские, стелился обслуживающий персонал железных дорог, гостиниц. Американцы развлекались, швыряя сигареты из окон отелей — глядели, как немцы дерутся за «подарки». Понравившихся женщин манили пальцем, даже не поинтересовавшись, кто они. Были уверены — пойдут. Подзаработать-то хочется, детишек накормить.

В народе накапливалось возмущение. Говорили о предательстве, национальном позоре. Но недовольные разделялись по двум противоположным лагерям. Одних привлекали коммунисты. Внушали, что нужно готовиться к новым революциям. Другие примыкали к националистическим организациям. Хотя они, в отличие от коммунистов, были разобщены. Национал-социалистская партия была лишь одной из многих, за пределами Баварии о ней мало кто слышал. Куда более авторитетной организацией считался союз ветеранов войны «Стальной шлем», он действовал по всей Германии. Существовали также общества «Рейхскригфлагге» («Имперское военное знамя»), «Оберланд», существовали правые парламентские партии — Немецкая национальная, Народная, Католическая партия центра.

И все-таки партия Гитлера становилась все более заметной. Точнее, ее подразумевали не отдельной партией, а «Национал-социалистским движением». За образец брались итальянские фашисты — ставилась цель сплачивать вокруг себя близкие группировки. В данном отношении НСДАП в немалой степени помогли связи с оккультными обществами. Ведь у членов «Туле» были друзья и единомышленники в других структурах, они завязывали контакты, договаривались о взаимодействии.

Оккультисты помогали партии привлекать полезных сторонников. Одним из них стал Карл Хаусхофер. В молодости он служил военным советником при японской армии, ув-

лекся тайными учениями самураев. Был посвящен в орден «Зеленого Дракона», получил доступ в закрытые буддийские монастыри. Побывал на Тибете, изучал черную религию бон. В Первую мировую войну он дослужился до генерала, причем прославился способностями предсказывать исход боев. А после войны стал преподавать географию в Мюнхенском университете, основал Немецкий институт геополитики. Внутри общества «Туле» Хаусхофер основал новую организацию для особо посвященных — «Орден Братьев Света», оно же «Общество Врил».

В кругах любителей магии Хаусхофер был лицом очень авторитетным, к нему стали присоединяться похожие структуры — «Господа черного камня», «Черные рыцари Туле», «Черное солнце». Осуществлялись магические ритуалы, велись поиски контактов с потусторонними силами. Утверждалось, что существует другой мир, подземный, где светит «черное солнце», лежит «подземная евразийская империя ариев». Некоторые оккультисты отождествляли ее с «Валгаллой», миром языческих богов и погибших героев. Считалось, что оттуда можно черпать «энергию Врил», установить общение с «Высшими Неизвестными» или «Умами Внешними». В общем-то, в христианстве давно известно, как именовать этих «неизвестных» и чего от них можно ждать. Но ведь для адептов тайных знаний само христианство выглядело пошлым и примитивным.

Ряд учеников и последователей Хаусхофера стали активистами НСДАП. Его ассистент Рудольф Гесс выдвинулся на роль «правой руки» Гитлера. Его близкими помощниками стали и адепты «Туле» Дитрих Эккарт, Альфред Розенберг — кстати, он был ярким врагом христианства, называл его «римско-сирийско-еврейским мифом». Еще одной убежденной последовательницей магических учений и ненавистницей Христа была профессор невропатологии Матильда фон Кемниц. Сама по себе профессорша была особой весьма трудной и назойливой. Но она окрутила и женила на себе знаменитого генерала Людендорфа. Втянула его в собственные оккультные увлечения — и в политические тоже. Людендорф присоединился к нацистам, что резко повысило рейтинг партии.

Но на НСДАП обратили внимание и другие темные силы. Не магические, не потусторонние, а вполне земные. Историки обнаружили любопытный документ. 20 ноября 1922 г. в Мюнхен приехал помощник американского военного атташе в Германии капитан Трумен Смит. С вокзала он отправился по адресу Георгиенштрассе, 42. Встреча была назначена заранее, и капитана уже ждали, он прибыл для беседы с Гитлером. Для начальства Трумен Смит составил подробный доклад, изложив то, что услышал: «...Парламент и парламентаризм должны быть ликвидированы. Он не может управлять Германией. Только диктатура может поставить Германию на ноги... Будет лучше для Америки и Англии, если решающая борьба между нашей цивилизацией и марксизмом произойдет на немецкой земле, а не на американской или английской...».

Конечно, капитан — не ахти какая величина. Но стоит учесть, что по «дипломатической традиции» помощники атташе занимаются делами разведки. Офицер получил чей-то приказ, ехал из Берлина в Мюнхен, тратил деньги, время, составлял отчет. Что же привлекло американцев? Ведь осенью 1922 г. Гитлер был еще «никем». Лидером маленькой партии местного уровня, одной из многих. Но за океаном уже взяли его на заметку. Почему? Из-за его энергии? Агрессивности? Или американские теневые круги тоже по-своему оценили связь будущего фюрера с оккультными учениями?

Во всяком случае, Трумена Смита и его начальников не отпугнули «антидемократические» идеи Гитлера. А дальнейшие события показывают, что встреча не прошла бесследно. Бывший канцлер Германии Брюнинг в мемуарах, которые он разрешил опубликовать только после своей смерти, сообщал: «Одним из главных факторов в восхождении Гитлера... было то обстоятельство, что он начиная с 1923 г. *получал крупные суммы из-за границы*». От кого? И через кого? Один из исследователей, М. Голд, в своей работе «Евреи без денег», вышедшей в 1945 г. в Нью-Йорке, указывал, что в этих операциях был замешан банкир Макс Варбург. Тот самый Варбург, через которого финансировалась революция в России.

Но тогда же, в 1923 г., на грани новой революции очутилась сама Германия. В течение войны и в первые послевоенные годы курс ее валюты поддерживался искусственно. Од-

нако выплаты репараций и всевозможные махинации подорвали ее финансы. Разразился такой кризис, какого в Европе еще не видывали. За 6 недель курс марки обвалился в 1000 раз. Состояния и накопления улетучивались мгновенно, рынок был парализован, фирмы прогорали.

Социал-демократическое правительство Штреземана объявило, что оно вынуждено приостановить платежи репараций победителям. Но французы этому только обрадовались. Ведь у них был залог, Саарская область! В Париже зашумели, что за долги надо окончательно забрать ее, а заодно и Рурскую область. Туда ввели французские войска. Немцы возмутились. В Руре начали создавать партизанские группы. Но интервенты не считались с суверенитетом Германии и ее законами. Хозяйничали совершенно бесцеремонно, пойманных боевиков расстреливали. А правительство Штреземана в ответ на откровенный произвол провозгласило линию «пассивного сопротивления». Проще говоря, поджало хвост и помалкивало, позволяя победителям вытворять что угодно. Это вызвало бурю протестов. Народ открыто проклинал капитулянтов.

Накалом страстей очень заинтересовались в Москве. Ведь по ленинским теориям «слабого звена» следующая революция должна была грянуть как раз в Германии. Она соединится с русскими большевиками, перекинется на другие страны — это и будет вождеденная «мировая революция». В Политбюро данную идею горячо отстаивал Троцкий. Доказывал, что шанс предоставляется уникальный, и надо поставить на карту все, даже само существование советского государства. Немцам надо помочь, пускай местные коммунисты захватывают власть. Конечно, международные империалисты вмешаются, попытаются подавить революцию. Но СССР выступит на стороне «германского пролетариата», тут и произойдет решающая схватка между капитализмом и социализмом.

В Германию было отправлено около 10 тыс. инструкторов советских спецслужб, эмиссаров Коминтерна. Через посольства и тайным образом переводились колоссальные суммы денег, золото. Попутно было намечено организовать восстания в Польше, Болгарии, Прибалтике. Там готовились

мятежи, загремели взрывы террористических актов. А в Германии срок выступления наметили на 9 ноября, в годовщину прошлой немецкой революции. Нацистов и прочие радикальные партии советские организаторы считали союзниками. Уполномоченный Коминтерна Карл Радек по дороге в Германию инструктировал советских дипломатов в Варшаве. Объяснял, что сразу же после революции немцы разорвут Версальский договор, начнут войну: «Националисты сыграют положительную роль. Они мобилизуют большие массы и бросят их на Рейн против французского империализма вместе с первыми красногвардейскими отрядами немецкого пролетариата».

О, Гитлер готов был союзничать с кем угодно: и с коммунистами, и с сепаратистами. Баварское правительство стало вести себя независимо от Берлина, и нацисты поддержали его. Между тем о замыслах Коминтерна узнали в Париже и Лондоне. Державы Антанты переполошились. Вместо собственных эгоистичных интересов наконец-то принялись помогать центральному германскому правительству, подталкивали к более решительным действиям.

В конце сентября на территории Германии было введено чрезвычайное положение. Из Берлина потребовали от Баварского правительства в полной мере подчиниться, арестовать нескольких офицеров, возглавлявших радикальные формирования, закрыть за подрывные призывы нацистскую газету «Фелькишер беобахтер». Не тут-то было! Глава Баварского правительства фон Кар, командующий военным округом генерал фон Лоссов и начальник полиции фон Зайссер закусили удила. Объявили, что Берлин нарушает права Баварии. Подчиниться отказались. Командующий Рейхсвером фон Сект отстранил Лоссова от должности, но баварские начальники и ему не подчинились. Объявили на своей территории «осадное положение», войскам округа приказали принести новую присягу, не берлинскому, а Баварскому правительству.

Силы нацистов на волне назревающей смуты росли. Численность их партии достигла 56 тыс. человек. И о том, чтобы их использовать, задумывались не только в Москве. Американским историком Дж. Халльгартемом был найден еще один интересный документ. В сентябре 1923 г., как раз в раз-

гар политического кризиса, посла США в Германии Хьютона посетил немецкий угольный и металлургический «король» Стайнес. Он предлагал: «...Надо найти диктатора и дать ему необходимую власть. Этот человек должен говорить понятным народу языком, и такой человек уже есть. В Баварии началось большое движение...». Описывался и путь привода к власти нового лидера: «Президент назначит диктатора, который покончит с парламентским режимом. С коммунистами безжалостно расправятся, и в Германии воцарится порядок. Тогда США смогут без опаски вкладывать капиталы в немецкую промышленность».

Спустя 10 лет реализуется именно этот механизм. Но в 1923 г. он оказался неподходящим для американской и мировой финансово-политической закулисы. Обстановка в Италии и Германии слишком сильно отличалась. Муссолини действительно сумел осуществить поворот к стабильности и порядку. А в Германии дальнейшие потрясения и падение социал-демократического правительства выводили на первую роль коммунистов. Разведывательные службы предоставляли исчерпывающую информацию и о дальнейших планах Кремля. В Центральную и Западную Европу ворвутся советские дивизии, которые уже накапливаются на границах. В общем, запыхать могло круто. Зарубежных политиков и круги мирового бизнеса подобный поворот никак не устраивал.

Но и в советском руководстве обозначились совсем иные взгляды. Главный поборник и теоретик «мировой революции», Ленин, лежал больной в Горках, и становилось ясно, что его состояние безнадежно. А разжигание германской революции и война в Европе выдвигали на первое место Троцкого! Он уже начал считать себя чуть ли не Бонапартом! Все больше нагелел, не хотел ни с кем считаться... Имело ли смысл для Сталина подыгрывать ему, а при этом рисковать всем Советским государством? Имело ли смысл для Каменева, Зиновьева, Бухарина поддерживать авантюру, чтобы посадить Троцкого себе на шею?

Как в коммунистических верхах, так и на западе возникали одинаковые мысли. Не лучше ли, если революция в Германии как-нибудь заглохнет? Стоило ли удивляться, что она в самом деле стала гложуть. Посыпались сплошные наклад-

ки, нестыковки. Немецкие коммунисты переругались между собой и раскололись на враждующие фракции. Непонятным образом испарялись средства, выделенные на подготовку восстания (позже выяснилось, что ленинский уполномоченный Рейх попросту украл их, сбежал в США и стал весьма солидным предпринимателем).

Сталин созвал Политбюро, обрисовал сложившуюся картину и сделал вывод — «революционную ситуацию» переоценили, готовность сомнительная, восстание надо отменить. Троцкий протестовал. Кричал, что нужно дать команду, и все покатится само собой. Но соратники поддержали не его, а Сталина. Революцию похерили. Впрочем, подготовка запуталась в такой неразберихе, что даже сигнал «отбой» дошел не везде. Где-то его не получили, где-то не послушались. В Польше началось восстание в Кракове. В Германии Тельман поднял красных боевиков в Гамбурге, были провозглашены «советские правительства» в Саксонии и Тюрингии. Войска без особого труда ликвидировали разрозненные очаги мятежей.

Но и нацисты не отказались от своих замыслов. Уж слишком свежим был пример марша Муссолини на Рим. Гитлер загорелся повторить его. 8 ноября, когда баварский министр-президент фон Кар выступал перед промышленниками в пивной «Бюргербройкеллер», ее окружили 600 штурмовиков. Гитлер ворвался в зал с револьвером, выпалил в воздух и крикнул: «Национальная революция началась!». Выходы заняли вооруженные штурмовики, в вестибюль вкатили пулемет. А Гитлер в отдельной комнате уговаривал баварских правителей Кара, Лоссова и Зайссера войти в руководство этой революции. После долгих споров вырвал согласие. Объявил нацистам, собравшимся в пивной, о создании «временного правительства».

Однако Кар, Лоссов и Зайссер благоразумно удалились — якобы для того, чтобы отдать распоряжения о походе на Берлин. На самом же деле они поспешили оторваться подальше от Гитлера. Выехали из Мюнхена и принялись рассылать прокламации, что не имеют к «национальной революции» никакого отношения, их согласие вырвано под дулом револьвера. Но теперь и они осознали, какую угрозу представля-

ют нацисты. Баварское правительство объявило запрещенными НСДАП, военизированные организации «Оберланд» и «Рейхскригфлагге». Полетели приказы полиции и воинским частям — усмирить мятеж. Они совпали с указаниями центрального правительства. Правда, Рем с отрядом боевиков «Рейхскригфлагге» успел захватить штаб военного округа. Но солдаты и полицейские сразу оцепили его.

Начало похода намечалось на 9 ноября — одновременно с выступлениями коммунистов. Но по красным парторганизациям уже передавалась команда отменить восстание. У нацистов обнаружилась другая проблема. Команда то передавалась прежняя: вперед, на Берлин! А сама партия вдруг стала таять. Назаписывали много новых членов, каждый функционер силился доложить цифру побольше. Теперь же распространялись правительственные воззвания о запрете партии, на улицах появились военные и полицейские патрули, и большинство членов НСДАП поджали хвосты. Из 56 тыс. на места сбора явилось лишь 3 тыс., да Штрейхер привез несколько сот из Нюрнберга.

Но появился Людендорф, и возникла надежда, что войска подчинятся популярному генералу, перейдут на сторону Гитлера. А пока колонна дойдет до Берлина, будет обращаться сочувствующими. Нацисты выступили к центру Мюнхена, чтобы соединиться с отрядом Рема, засевшим в штабе округа. Во главе шли Гитлер, Геринг, Людендорф. Молодой экзальтированный Гиммлер нес знамя. Часть штурмовиков была вооружена, на машине везли пулеметы. Мост через Изер был перекрыт полицейскими, но Геринг выбежал к ним и объявил, что в колонне находятся заложники, баварские министры. Кричал, что при сопротивлении их перебьют. Полицейские растерялись. Из колонны подскочили штурмовики и разоружили их, шествие двинулось через мост.

На площади Мариенплац митинговал Штрейхер с нюрнбергскими нацистами. Они присоединились к основным силам. Повернули на улицу Резиденцштрассе, которая вела к осажденному штабу округа. Но эту узкую улицу перекрыло около 100 полицейских под командованием майора Хунглингера. Пропускать нацистов он отказался. Стали переругиваться, Людендорф с адъютантом зашагал к оцеп-

лению, игнорируя команду остановиться. За ним потянулась часть нацистов. В это время раздался чей-то выстрел — то ли случайный, то ли провокационный, — и полиция открыла огонь.

Перестрелка вспыхнула и утасла мгновенно. Погибли трое полицейских и 16 нацистов. В голове колонны стреляли, кричали раненые, а в хвосте не видели, что происходит, поднялась паника. Люди побежали. Людендорф как шел, так и продолжал идти — полицейские направляли оружие в сторону, чтобы не задеть генерала. Он прошел сквозь цепь и был арестован. Рем сдался через два часа. Гитлер в давке упал и сломал ключицу, его вывезли в пригородное поместье, там его и взяла полиция. Раненый Геринг бежал в Австрию. Однако суд над участниками «пивного путча» получился вполне «демократичным». То бишь беззубым. Людендорфа оправдали — его авторитет был слишком высоким. Остальные руководители получили минимальные сроки заключения, рядовых нацистов не судили вообще. Гитлер был приговорен к пяти годам тюрьмы условно с испытательным сроком четыре года.

События осени 1923 г. завершились вроде бы без видимых результатов. Хотя на самом деле они имели важные последствия. Оказалось, что в данном случае всемогущую «закулису» США устраивал именно такой сценарий! Неудавшиеся попытки мятежей, как коммунистических, так и нацистских. Подобный сценарий устраивал и Англию — она исподволь старалась подорвать позиции Франции. Британские и американские политики и пресса подняли шум, что прежняя политика в отношении Германии приведет к революции, это создает угрозу для всей Европы. Французам пришлось вывести войска из Рура и Саара. А в августе 1924 г. в Лондоне была созвана специальная конференция стран Антанты.

Представители США и Англии стали доказывать, что огромные репарации, которые немцы платят Франции, мешают восстановить экономику Германии. Это ведет к кризисам. А кризисы, в свою очередь, чреватые революционными пожарами. Вроде бы события 1923 г. показали это со всей очевидностью. Ну а для избежания катастрофы американцы навязали свой план Дауэса. Схемы погашения репараций смяг-

чались, немцам выделялись крупные кредиты. Впрочем, не так уж трудно было догадаться, что план проработан заранее и является детищем высшей финансовой элиты США. К его реализации подключились такие тузы как Морган, Барух, Кан, Мельхиор, Рокфеллеры, Диллон. Для этих операций был специально создан «Интернешнл Аксептанс банк», председателем его правления стал уже упоминавшийся Пол Варбург, бывший вице-президент Федеральной Резервной системы США. А главным его партнером в Германии выступил родной брат, Макс Варбург. Он как раз в это время, в 1924 г., вошел в генеральный совет Рейхсбанка (т. е. германского Центробанка).

Конечно же, чтобы вкладывать деньги, требовалась стабильная обстановка внутри Германии. Но и здесь международные деловые круги нашли блестящий ход. На президентских выборах в 1925 г. они выдвинули фигуру фельдмаршала Гинденбурга. Тень былой империи! Герой войны, величайший полководец! Немцы поверили ему, связывали с ним надежды на возрождение, плакали от счастья. Хотя на самом-то деле колоссальный авторитет Гинденбурга был дутым. Даже во время войны он не отличался особыми талантами, все успехи его войск обеспечивал начальник штаба Людендорф. Не знатного, но способного генерала специально приставили к престарелому и бесцветному Гинденбургу, чтобы руководить войсками от его имени.

Но не станешь же объяснять обывателям, что Гинденбург без своего начальника штаба — ноль без палочки. Да и вообще для сентиментальной немецкой публики «добрый дедушка Гинденбург» подходил как нельзя лучше. Его превозносили как непобедимого военачальника, спасителя Германии от русских. Его именем называли улицы, города, его портреты продавались всюду, школьникам задавали сочинения: «Почему я люблю дедушку Гинденбурга». На заключительном этапе войны он стал начальником генштаба, фактически диктатором — распоряжался и армией, и экономикой страны. Но, опять же, в паре с Людендорфом. Один для вывески, второй для реальных дел.

Кстати, Людендорф пытался на выборах соперничать со своим бывшим начальником, выступил кандидатом в пре-

зиденты от нацистской партии. Но об истинном соотношении заслуг знали немногие, а народ привык воспринимать его «вторым номером». В тени Гиндербурга. Людендорф потерпел сокрушительное поражение, набрал 1% голосов. А немецким и зарубежным олигархам требовался именно такой президент, чтобы был ни на что не способен! Ему обеспечили грандиозную рекламу. Дескать, он объединит нацию, поведет к новым свершениям. Хотя Гинденбургу исполнилось 78 лет. Он уже впадал в маразм и безвылазно засел «работать с документами» в своем загородном поместье Нойдек. Зато к нему приставили помощников, которые принялись рулить от лица президента.

Казалось, Германия и впрямь вступила в полосу расцвета. С помощью американских кредитов она преодолела кризис, ее хозяйство оживило. Возникали, как грибы, новые предприятия, фирмы, акционерные общества... Однако на самом деле коррупция и воровство никуда не исчезли. Просто случайных жуликов и хапуг оттеснили куда более крупные хищники. Американцы давали деньги не за здорово живешь, интенсивно внедрялись в немецкую экономику. Компании «Дженерал электрик», «Истмен-кодак», «Дженерал моторс», «Стандарт ойл», «Форд», «Интернэшнл телефон энд телеграф корпорейшн» и др. становились совладельцами германских предприятий. Когда программа плана Дауэса была исчерпана, был принят новый план Юнга...

Дорога к власти

Гитлер просидел в тюрьме Ландсберга 13 месяцев и 20 дней. Условия ему создали весьма комфортабельные, и время он провел плодотворно: писал программную книгу «Майн Кампф». Сидел он вместе с Рудольфом Гессом, человеком образованным, весьма эрудированным. Гесс взялся исполнять обязанности секретаря, помогал в литературных трудах. К заключенным пускали и гостей. Одним из тех, кто регулярно навещал их, стал учитель Гесса, профессор и адепт магических учений Карл Хаусхофер.

О чем он говорил с двумя молодыми арестантами, остается неизвестным. Мы знаем лишь, что Гитлера он считал «недоучкой». Лидеру НСДАП и впрямь не хватало знаний,

окультных, да и обычного образования. В списках «Общества Туле» он значился как «посетитель». Но в нем отмечали очень сильные способности медиума (в оккультизме медиумами называют людей, через которых устанавливаются связи с потусторонними силами). Очевидно, Хаусхофер и Гесс чему-то учили Гитлера. Существуют предположения, что перед ним раскрыли некоторые секреты публичных речей — как настраивать себя, как электризовать массы, манипулировать их настроениями.

Во всяком случае, написанная в тюрьме «Майн Кампф» была посвящена оккультисту и активисту «Туле» Экарту — он предрекал приход «немецкого мессии», признал таковым Гитлера, был арестован вместе с ним после путча, но вскоре умер от сердечного приступа. Многие идеи в книге тесно перекликаются с программными документами «Туле», в книге отразились и геополитические взгляды Хаусхофера. Впоследствии Гитлер будет утверждать, будто черпает энергию «из Валгаллы», а решения ему подсказывают некие высшие силы...

Видимо, он сделал должные выводы из провалившегося мятежа — что от попыток переворота лучше отказаться. Это слишком рискованно. Куда вернее действовать постепенно — через легальные демократические механизмы выборов и парламентов. Выйдя из тюрьмы, Гитлер пообещал баварским властям, что глупостей повторять не будет, ему разрешили возобновить выпуск «Фелькишер беобахтер» и деятельность НСДАП.

Впрочем, бывлой партии не было. Соратники рассеялись. Бывший покровитель фюрера Рем постарался избежать суда за бунт. Удрал аж в Боливию, даже устроился там в вооруженные силы. Генерал Людендорф и братья Отто и Грегор Штрассеры пытались организовать новую структуру, «Национально-освободительное движение». В 1924 г. включились в выборы местных органов власти, при этом отличился помощник Грегора Штрассера Гиммлер — объездил на мотоцикле всю Баварию, налаживал агитацию по городкам и селам. Но никаких заметных результатов движение не достигло.

Гитлер взялся создавать партию с нуля. Гесс оказался ценнейшим помощником, он стал заместителем лидера по всем партийным вопросам. Одним из новых полезных со-

трудников стал Геббельс, настоящий мастер пропаганды. Из старых партийцев выдвинулся Геринг. С «Национально-освободительным движением» провели переговоры, его руководители уже поняли, что самостоятельных перспектив у них нет, согласились влиться в обновленную НСДАП. При этом Грегору Штрассеру предоставили пост главного идеолога партии.

В общем-то, пивной путч послужил нацистам великолепной рекламой. Теперь простые немцы видели в них «настоящую», боевую партию, в отличие от многочисленных пустословов. Не побоялись выступить за народ, кровь проливали! Гитлер подтверждал репутацию «боевой» партии: возродил штурмовые отряды (СА). Но не забыл, что штурмовики проявили себя совсем не лучшим образом. В столкновении с полицией, едва загремели выстрелы, они толпами ринулись спасаться, чуть не раздавили самого Гитлера. Во вторую годовщину этих событий, 9 ноября 1925 года, он решил выделить из СА особую группу для своей личной охраны. Из самых надежных. Ее назвали СС — Schutzstaffel («Охранные войска»). Командиром этой группы стал Юлиус Штрекк.

Что же касается партии, то Гитлер со своими помощниками, засучив рукава, создавали партию уже не баварскую, а общегерманскую. За образец взяли коммунистическую — массовую, но спаянную дисциплиной. Территория страны делилась на области и районы, «гау» и «крайсы», во главе их назначались гауляйтеры и крайсляйтеры. Таким образом, Германию покрывала сеть нацистских структур. Они поддерживали друг друга, помогали своим членам даже в обычных бытовых проблемах. По этой сети распространялись приказы руководителей, можно было поднять значительные силы.

Заимствовали полезные начинания не только у коммунистов, но и у итальянских фашистов. У них Гитлер перенял «римское» приветствие поднятой рукой. Для штурмовиков ввели новую униформу. У итальянцев были черные рубашки, а нацисты одели своих последователей в коричневые. А для поста Гитлера в партии внедрялось особое обозначение — фюрер. Вождь. Аналог итальянского «дуче».

Конечно же, формирование партийных структур по всей Германии, аренда помещений, увеличение тиражей прессы,

обмундирование штурмовиков требовали немалых средств. Да и сама по себе демократическая борьба за власть, в которую включились нацисты, — штука совсем не дешевая. Но... деньги у Гитлера нашлись. Рядом с ним вдруг возникло несколько фигур, совершенно не похожих на прочих нацистских активистов. Это были не разорившиеся обыватели, не оскорбленные военные, не доморощенные теоретики из комплексующей интеллигенции. Рядом с Гитлером появились Ялмар Шахт, Вильгельм Кепплер, Курт фон Шредер...

Шахт был дрезденским банкиром, занимал важный пост имперского комиссара по валюте. Мало того, Шахт вместе с ведущими американскими финансистами участвовал в разработке и реализации плана Дауэса! Впрочем, взаимодействовать с банкирами США для него было очень сподручно. Потому что и сам Шахт являлся «почти американцем». Его отец был гражданином США, мультимиллионером. Достаточно сказать, что в принадлежавшем ему здании по адресу Бродвей, 120 располагался закрытый банкирский клуб, где встречались крупнейшие финансовые олигархи. В этом здании находились офисы и личные кабинеты четверых директоров Федеральной Резервной Системы США. Ялмар тоже родился в Америке, но перебрался в Германию, открыл в Дрездене собственное дело. А среди американских банкиров у него остались родные братья и три дяди.

Сейчас Шахт неожиданным образом стал советником Гитлера и его опекуном в финансовом мире. Другим опекуном и главным экономическим советником фюрера выступил Кепплер. Он был владельцем 50% акций огромных заводов фотопленки «Один-верке». А вторая половина акций принадлежала американской фирме «Истмен-кодак». Так что и сам Кепплер получался наполовину германским, наполовину американским промышленником.

Третья фигура, Курт фон Шредер, тоже был представителем международной финансовой семьи. Одна ветвь Шредеров с XIX в. действовала в Лондоне, банк «Schroders» считался одним из мощнейших в Англии. Другая ветвь отпочковалась в США, открыла там банк «J. Henry Schroder Bank & Trust Co». Шредеры были в родстве с банкирскими кланами Маллинкродтов, Бишофов, Кляйнвортов, связаны и с Мор-

ганами, Рокфеллерами. А упомянутому Курту фон Шредеру принадлежал кельнский банк «Штайн», он был членом правления ряда крупных фирм. Ко всему прочему, он был женат на дочке Рихарда Шницлера, хозяина крупнейшего химического концерна «ИГ Фарбениндустри». Кстати, и компания Шницлера в данное время уже состояла в картельной связи с рокфеллеровской «Стандарт ойл». Куда ни кинь, мы натываемся на те или иные связи с американцами! Но такие связи не выпячивались.

Да и друзья Гитлера из числа банкиров и промышленников не афишировали свою близость к нему. Их лица не мелькали на нацистских шествиях и митингах, они предпочитали более скромные мероприятия. Без помпы и репортерских объективов. Именно такие мероприятия были организованы для Гитлера в 1926 г. — две встречи с магнатами германской экономики. Они состоялись в Эссене и Кенигсвинтере. Лидер нацистской партии выступал перед промышленниками и финансистами, его взгляды сочли удовлетворительными. Но попросили изложить их письменно. Пожелание исходило от столь весомых кругов, что Гитлер не мог отказаться. Мало кто знает, что он написал в своей жизни не одну, а две книги. «Майн кампф» распространялась на всю Германию. Но в 1927 г. специально для тузов делового мира была написана брошюра «Пути к возрождению», с экономической программой. Она была издана весьма узким тиражом, только для «избранных». Что ж, «избранные» почитали и оценили. Деньги потекли.

«Отмывочной» структурой, через которую переводились средства, стала партийная «касса взаимопомощи». Ею ведали Гесс и Борман. Теоретически касса предназначалась для выплат штурмовикам, пострадавшим в драках или арестованным. Но она имела «юридическое лицо», официальные банковские счета и принимала частные пожертвования. Мало ли кто захочет помочь покалеченным? А жертвования перечислялись такие, что их хватало на содержание партийного аппарата, на массовые тиражи «Фелькише беобахтер», на коричневые рубашки. Денег хватило и на предвыборные кампании. В 1928 г. нацисты добились первого успеха на выборах в рейхстаг, завоевали 800 тыс. голосов, получили 12 парламентских мест.

Сперва предполагалось, что представлять «лицо» партии в парламенте будет Людендорф. Знаменитость! Даже строили прогнозы, что он «раскрутится» и со временем повторит попытку бороться за кресло президента, заменит во главе государства угасающего Гинденбурга. Но случилось непредвиденное. Сумасбродная жена потащила генерала в другую сторону — углубилась вместе с ним в потусторонние науки и в борьбу с христианством. Углубились до такой степени, что у Людендорфа начались завихрения с психикой. Гитлер и раньше недолюбливал фрау Людендорф. Теперь не сдержался, стал говорить, что дамочка лезет не в свои дела. Генеральша узнала, ответила яркой враждой и настроила мужа против фюрера. Людендорф совсем отошел от партии и до конца жизни витал в оккультных бреднях.

В парламентской группе Людендорфа заменили Герингом. Однако невзирая на неувязки, престиж нацистской партии продолжал расти. Дело в том, что декоративная фигура дедушки Гинденбурга только вызывала у немцев всплески надежд, но оправдать их никак не могла. Обманы и самообманы вызывали разочарование. А нацисты без всяких обвиняков заявляли, что именно они готовы удовлетворить чаяния народа. Какие именно? Да какие угодно!

Кстати, говорить о каком-то фундаментальном учении нацизма, пожалуй, было бы бессмысленно. Даже о тех программах, которые были изложены в «Майн Кампф». Их правильнее рассматривать в рамках пропаганды нацизма. А пропаганда вбирала в себя совершенно разнородные идеи. Практически все, что было популярно. Например, были взяты на вооружение старые, еще довоенные теории пангерманизма. О превосходстве германской расы, необходимости бороться за «место под солнцем», отвоевать «лебенсraum» — «жизненное пространство». Это было в крови, само по себе вызывало ностальгию по прошлому величию. Немцы привыкли к культу вождей, пресмыкались перед кайзером. Гитлер это тоже перенял. Он играл на «вождизме» даже более умело и целенаправленно, чем свергнутый Вильгельм II.

Но по сравнению с довоенными временами добавлялось и много нового. В частности, антисемитизм. Для кайзеровской идеологии он был совершенно чужд. Наоборот, в ходе

Первой мировой войны немцы видели в евреях союзников. 17 августа 1914 г. в Берлине был создан «Комитет освобождения евреев России» во главе с профессором Оппенхаймером. Верховное командование германской и австрийской армий выпускало обращения, призывая евреев к борьбе против русских и обещая им различные льготы «на территории, которую оккупируют в будущем Центральные Державы». На Украине, в Польше, в Прибалтике многие евреи действительно симпатизировали немцам, радушно встречали их. Они становились активными сотрудниками оккупантов, доносчиками, получали привилегированное положение среди местного населения.

В самой России еврейские деятели, деловые и общественные, сыграли важную роль в подрывных операциях против царского правительства. Но аналогичным образом они повели себя и в Германии! Когда запахло жареным, крепко приложили руку к падению кайзеровского правительства, к раздуванию революции, подталкивали империи к капитуляции. В Веймарской республике евреи заняли видные места в социал-демократическом правительстве, в рейхстаге, в руководстве политических партий. Они были весьма заметны среди бизнесменов, наживавших состояния на германских бедствиях. Им принадлежала львиная доля средства массовой информации, выплескивающих на немцев ложь. Им принадлежали увеселительные заведения, выставявшие на позор немецких дочерей, сестер, жен. Могло ли это способствовать добрым чувствам со стороны немцев?

Любопытно отметить, что в начале 1920-х даже Геббельс весьма скептически относился к антисемитам. Писал в дневниках, что это слишком примитивная точка зрения — винить во всех бедах евреев. Но неприязнь к ним копилась среди германского населения. А среди оккультных теорий нашлись вполне подходящие — о высших и неполноценных расах. В общем-то, это было чепухой. Ведь те же оккультные теории в значительной мере базировались на каббалистике и прочих «семитских» премудростях, да и само германское розенкрейцерство оказывалось по своей сути очень близким к секте «жидовствующих», отмеченной в средневековой России. Но изначальные учения успели обрести вторичными на-

слоениями, и теоретики «Германского ордена» рассуждали: немцы утратили свою мистическую силу, потому что нарушилась чистота нации, засорилась низшими расами. Надо очиститься и заново обрести магические ключи к победам, заслужить покровительство древних богов.

Когда антиеврейские высказывания звучали в нацистских выступлениях, толпа встречала их с восторгом. Таким образом, антисемитизм стал еще одним ключом к популярности. А заумные оккультные теории Гитлер и Геббельс упростили до предела. Чтобы они стали понятными любому обывателю. Ты — ариец, и этого уже достаточно, чтобы гордиться! Ты высший, лучший, все остальные ниже и хуже тебя! На самом деле это тоже было чепухой. Ни один народ не может существовать, так или иначе не смешиваясь с другими народами. А уж германская нация, обитающая в самом центре Европы, подверглась на своем историческом пути особенно сильному смешению. Но такие «мелочи» пропаганда отбрасывала. «Нордическая раса» — это звучало гордо, возвышало слушателей в собственных глазах.

Но ключом к популярности становились и житейские трудности — безработица, низкая зарплата, земельный вопрос в деревне. Выигрышные ходы на данном поприще Гитлер позаимствовал у коммунистов. Он этого не скрывал, рассказывал приближенным: «В молодости, находясь в Мюнхене вскоре после войны, я не боялся общаться с марксистами. Я всегда считал, что всякая вещь для чего-нибудь пригодится. И к тому же у них было много возможностей развернуться по-настоящему. Но они были и остались мелкими людишками. Они не давали ходу выдающимся личностям. Им не нужны были люди, которые, подобно Сауду, были бы на голову выше их среднего роста. Зато у них было много жидишек, занимавшихся догматической казуистикой. И поэтому я решил начать что-то новое...».

Суть своей «реформы коммунизма» фюрер изложил в разговоре с Раушнинггом: «Я не просто борюсь с учением Маркса. Я еще и выполняю его заветы. Его истинные желания и все, что есть верного в его учении, если выбросить отсюда всякую еврейскую талмудистскую догматику». Раушнинг возразил, что в подобном случае получится большевизм

российского образца. Гитлер его поправил: «Нет, не совсем. Вы повторяете распространенную ошибку. Разница — в созидательной революционной воле, которая уже не нуждается в идеологических подпорках и сама создает себе аппарат непоколебимой власти, с помощью которого она способна добиться успеха в народе и во всем мире». Таким образом, марксизм-ленинизм Гитлер постарался довести до «логического завершения». Отбросил «идеологические подпорки», фразеологическую шелуху, а оставил лишь главное — борьбу за власть.

Но и в лозунгах нацисты оказывались близкими к коммунистам. Пункт 17 программы НСДАП предусматривал национализацию промышленности и банков, безвозмездную конфискацию земли у крупных собственников. Геббельс в публичных речах неоднократно заявлял о глубоком родстве национал-социализма и большевизма. Причем именно российского большевизма — немецких коммунистов он уличал в предательстве интересов бедноты, а социал-демократов укорял в забвении марксизма. Ярко выраженной левой ориентации придерживались идеологи партии Отто и Грегор Штрассеры, вожди штурмовиков Рем, Хайнес, Эрнст, региональные руководители — Кох, Кубе, Брюкнер, Келер. У коммунистов Гитлер заимствовал и методы работы. Впрочем, не только у них. Он говорил: «Я всегда учился у своих противников. Я изучал революционную технику Ленина, Троцкого, прочих марксистов. А у католической церкви, у масонов я приобрел идеи, которых не мог найти ни у кого другого».

Однако в 1920-х годах в Германии выявить какую-то принципиальную разницу между нацистами и коммунистами было бы в самом деле сложно. Разве что одних финансировали из Москвы, а других — из теневых западных источников. Обе партии яростно боролись за голоса избирателей. Обе сочетали парламентскую и газетную грызню с уличным мордобоем. Обе формировали отряды боевиков, одна — «Рот фронт», другая — «СА». Обе провозглашали, что борются за интересы рабочих — но ударную силу у тех и других составляли профессиональные функционеры, люмпены и шпана. В данном случае характерен пример с Хорстом Весселем, автором нацистского гимна. Он был сутенером, со-

брал из своих приятелей отряд «Штурм-5» и в кровавых потасовках одержал верх в одном из злачных кварталов Берлина, который прежде считался «вотчиной» коммунистов. А убит был в феврале 1930 г. в драке с Али Хелером — тоже сутенером, но активистом компартии. На похоронах Хорста Весселя Геббельс заявил, что он погиб «за Гете, за Шиллера, за Канта, за Баха, за Кельнский собор... Мы вынуждены драться за Гете пивными кружками и ножками стульев, но когда придет час победы, мы снова раскроем объятия и прижмем к сердцу духовные ценности».

Да, драк хватало. За годы, предшествующие приходу к власти, в столкновениях разного рода погибло 300 нацистов. 40 тыс. получили увечья и ранения. Против членов НСДАП было заведено 40 тыс. уголовных дел, обвиняемые получили в общей сложности 14 000 лет тюрьмы и 1,5 млн марок штрафов. Но ведь скандалы были лучшей рекламой! Снова подтверждали репутацию «боевой» партии. Отчаянной, смелой, готовой грудью встать за народ. Ну а промышленные и денежные тузы, застолбившие места рядом с Гитлером, скандалами и пивными драками не впечатлялись. Не впечатлялись они и пунктом 17 программы о национализации собственности. Во второй книжке Гитлера, «Пути к возрождению», подобного пункта не было. В той книжке, которая распространилась в очень узком кругу.

Но и сама нацистская партия постепенно становилась очень неоднородной. Что общего было у Шахта или Кепплера с тем же Хорстом Весселем? Что общего было у профессора Хаусхофера и рядовых штурмовиков, напяливающих форму, чтобы поорать «хайль», получить за это пару марок и пиво с сосисками, а если прикажут, поразмять кулаки?

Подобное расслоение стало проявляться внутри НСДАП. Там стала формироваться новая структура. Ее основой стал уже упоминавшийся отряд СС. Он оставался малочисленным, около 30 человек, сопровождал Гитлера на публичных мероприятиях. Принадлежать к этому отряду не считалось чем-то особенным. Состав СС менялся, и за должность командира никто не считал нужным держаться. Что такое старший над телохранителями? Штрекк уступил пост командира Бертольду, его сменил Хайден. А его заместителем выдвинулся Генрих Гиммлер.

Он был неудачником-офицером, так и не попавшим на фронт. Едва закончил командную школу и получил чин прапорщика, как война закончилась. Гиммлер окончил сельскохозяйственное отделение Мюнхенского университета, подвизался в фирмах по производству удобрений. Но военная форма и служба остались у него неудовлетворенной страстью, он тянулся к военизированным формированиям, состоял чуть ли не в двух десятках соответствующих организаций.

Еще одной страстью Гиммлера оказались мистика. В юности он был очень набожным католиком. Прислуживал в храме, горячо отдавал себя благотворительности, сам пек булочки и разносил их бедным старушкам. Но в университете столь же горячо увлекся магическими откровениями, близко сошелся с членами «Туле» и «Общества Врил». Как уже упоминалось, он сперва пристроился секретарем и помощником к идеологу партии Грегору Штрассеру. Однако его тянуло повыше. Он принялся демонстрировать преданность лично Гитлеру.

Служба в СС оказалась в его вкусе — важно стоять в форме перед публикой, да еще и на глазах партийного начальства. В январе 1929 г. Хайдену предложили другую должность, как считалось, более высокую. Гиммлер занял его место. Но, в отличие от своих предшественников, он взялся реорганизовывать СС. Командиры штурмовиков обычно гнались за количеством. Гиммлер принялся отбирать людей по качеству. Искал молодых широкоплечих красавцев. Спортсменов, воинов, ветеранов боевых действий. Но привлекал и другую категорию — интеллектуалов, ученых, квалифицированных специалистов. СС он задумал преобразовать в подобие рыцарского ордена, мистического братства — воплотить именно то, о чем мечтали создатели «Германского ордена».

Вскоре стали возникать конфликты. Начальник СА фон Эпп и вернувшийся из эмиграции Рем жаловались, что Гиммлер не слушается их, переманивает к себе штурмовиков. Но он успел сойтись с Гессом. Помощника фюрера, а через него и Гитлера заинтересовала идея ордена. В 1930 г. СС получили особый статус. Формально их еще числили как часть СА, но автономную, подчиняющуюся своему собственному начальству. Гиммлер принял новое звание, «рейхсфюрер СС». Ввел для своего отряда красивую черную форму, придумывал осо-

бую атрибутику, ритуалы, чуть ли не религиозные установки. А сопоставление двух военизированных структур оказывалось не в пользу СА. Штурмовики отмечались по всей Германии буйными выходками. СС, в противовес им, превращалось в элитную организацию. За год численность новых формирований выросла до 2 тыс. человек. Вроде бы немного. Но это была партийная «гвардия». А значит — цвет всей нации!

3. БОЛГАРИЯ

Болгария тоже оказалась в числе проигравших войну. У нее отобрали несколько приграничных районов, вооруженные силы ограничились мизерной цифрой 6,5 тыс. человек, включая полицию. Болгарию обложили непосильными для нее репарациями в 100 млн фунтов стерлингов, ее задирали победившие соседи — Югославия, Греция, Румыния. А болгарам оставалось скромно помалкивать, поскольку в любом спорном вопросе великие державы принимали не их сторону. В ходе революции 1918 г. царь Болгарии Фердинанд отрекся от престола. Правда, монархия была сохранена, царем стал сын Фердинанда Борис III. Но по новой конституции он стал номинальной фигурой, не имевшей никаких полномочий. К власти пришла очень левая партия «Болгарский земледельческий народный союз», пост премьер-министра получил ее лидер Александр Стамболийский.

Он начал такие радикальные реформы с конфискациями собственности, что к нему перешли даже многие коммунисты — сочли, что Стамболийский «свой». Борис III пробовал вмешаться, но премьер-министр грубо указал ему на место. Заявлял, что «в Болгарии царь царствует, а не управляет». В отношении соседей Стамболийский безоговорочно выполнял любые требования и претензии. Рассуждал, что южным славянам надо вообще объединиться в одну федерацию, то есть Болгарии присоединиться к Сербии точно так же, как хорватам, словенцам, македонцам. Самого себя глава государства называл «югославом». Патриоты возмущались.

Экономические реформы, как это обычно бывает, сопровождались воровством и злоупотреблениями. А боль-

ной атмосферой и всеобщим недовольством задумали воспользоваться советские спецслужбы и Коминтерн. Проводились прямые параллели, что Земледельческий союз — аналог российских эсеров, а Стамболийский — копия Керенского, они создают благоприятную почву для большевистского переворота. А войск для подавления почти нет! Займется революцией Болгария — перекинется в Румынию, Югославию, Венгрию, а дальше и Германию «подожжет». Из Одессы по Черному морю моторки контрабандистов привозили оружие, деньги, инструкторов. Уполномоченными эмиссарами из Москвы прислали Х. Боева и Б. Шпака. Вся страна оказалась опутанной большевистской агентурой. Кого-то вовлекали как сочувствующих, кого-то покупали. Средства переводились более чем щедрые. Среди тех, кто взялся тайно подыгрывать большевикам, оказались даже начальник жандармерии Мустанов и софийский градоначальник Трифионов. Коминтерн и компартия Болгарии взяли курс на вооруженное восстание.

Однако обнаружилась серьезная помеха. Правительство Стамболийского предоставило убежище выброшенным на чужбину белогвардейским войскам Врангеля. Предоставило отнюдь не из благотворительных побуждений. Югославия тоже приняла белогвардейцев, а Стамболийский подстраивался к ней. Кроме того, в распоряжении Врангеля имелись некоторые суммы из российских посольских фондов, размещение солдат и питание для них оплачивалось. А часть войск была направлена на тяжелые работы по осушению приморских болот, прокладке дорог в горах. Но в результате в Болгарии расположились 1-й корпус Кутепова и 1-й Донской корпус, 40 тыс. отборных бойцов, прошедших несколько войн. При переездах по Балканам они сумели сохранить часть винтовок, пулеметов. И было ясно — в случае революции они в стороне не останутся.

Между тем обстановка в Болгарии накалялась. Коммунисты подталкивали Стамболийского к новым реформам, и он шел на поводу, продолжал ломать государство. Царь Борис сравнивал его правление со слоном, пущенным в посудную лавку. Левые уже начали требовать окончательной ликвидации монархии. Но вынуждены были притормозить. Ре-

шили сперва устранить угрозу со стороны белогвардейцев. Организовывались демонстрации и митинги с требованиями выдворить их. Одновременно разыгрывались закулисные интриги. По наводкам советских спецслужб и обвинениям в заговоре болгарская полиция совершила налеты на некоторые русские штабы. Найденные при обысках документы подтасовали, добавили фальшивки. Объявили, что белогвардейцы вмешивались во внутреннюю политику Болгарии, участвовали в подготовке переворота. Кутепова и еще целый ряд генералов и офицеров выслали за пределы страны, врангелевские части были разоружены, их рассредотачивали и переводили на положение гражданских беженцев.

Но пока шла эта возня, большевики потеряли время. В Болгарии успели сорганизоваться правые силы, патриоты. Была создана партия «Народный стговор» во главе с А. Цанковым, А. Грековым и Х. Калафовым. Офицеры и унтер-офицеры распущенной армии создавали добровольческие отряды. Самым крупным из них стала «Родна защита». Она многое позаимствовала у итальянских чернорубашечников — пыталась одеть своих сподвижников в единую форму, придумала особое приветствие.

«Народный стговор» поддержала одна из ультралевых структур — «Внутренняя македонская революционная организация». Это были террористы и националисты, которые ставили своей целью независимость Македонии. Ее передачу в состав Югославии ВМРО восприняла болезненно и враждебно. Пыталась получить поддержку в Болгарии, традиционно спорившей с сербами за Македонию. Но Стамболийский обманул ее ожидания и тоже стал врагом. ВМРО пробовала наводить мосты с Коминтерном. Однако выяснилось, что приказам Москвы надо безоговорочно подчиняться. А подчиняться македонцы не желали, и их руководитель Протигеров был убит. Сменивший его Михайлов повернул политический ориентир в совершенно другую сторону. Он обратился за поддержкой к Муссолини — и получил ее! Дуче интересовали любые союзники, чтобы упрочить влияние на Балканах.

В июне 1923 г. в Болгарии произошел переворот. Премьер-министр Стамболийский, приехавший в родное село

Славовицу, был схвачен и убит взбунтовавшимися крестьянами. В Софии и по всей стране отряды добровольцев кинулись громить представительства «Земледельческого союза». На их сторону перешли армия и полиция, присоединялись толпы простых граждан. Под удары попали и некоторые коммунистические штабы, но большинство из них осталось в стороне от разыгравшихся событий — из Москвы поступил приказ не вмешиваться и не выступать на стороне «земледельцев», сохранять боевой потенциал для собственного восстания. Строились прогнозы, что переворот и репрессии озлобят народ, расшатают власть и облегчат ее захват.

Как раз в это время стала обостряться обстановка в Германии, о чем рассказывалось в прошлой главе. К немецкой революции решили подстегнуть и болгарскую. Долгожданный сигнал на вооруженное восстание прозвучал в сентябре 1923 г. Но было уже поздно. Правый переворот не вызвал расшатывание государства, а, наоборот, спаял его. Правительство Стамболийского настолько скомпрометировало себя, что желающих защищать его оказалось слишком мало. А когда поднялись коммунисты, «Народный сговор» действовал решительно, мятежников раздавили мгновенно. Полиция и солдаты шерстили их штаб-квартиры, захватили склады с оружием, типографии. Коммунисты и левые «земледельцы» пробовали собирать отряды в горах, начинать партизанскую борьбу. Но и там с ними быстро покончили. Короткая гражданская война была кровавой, погибло около 20 тыс. человек — включая и «красных», и «белых», и жертвы среди мирного населения.

На пост премьер-министра победители выдвинули ученого-экономиста Александра Цанкова. Он был масоном, либералом, но горячо переживал за судьбы своей родины, считал необходимым навести твердый порядок. Однако Цанков и «Народный сговор» не пошли по фашистскому пути установления партийной и личной диктатуры. Наоборот, они провозгласили готовность сотрудничать со всеми политическими силами, желающими возрождения Болгарии. Объединились с либералами, с умеренными социал-демократами, и образовалась куда более широкая партия «Демократический сговор».

Такая партия неоспоримо лидировала в политической жизни. На парламентских выборах добавились махинации

властей, и «Демократический союз» получил подавляющее большинство мандатов. Цанков взял курс на «укрепление царского трона», полномочия Бориса III были значительно расширены. Коммунистическая партия, анархисты и другие радикалы попали под запрет. Но сам «Демократический съезд» получился громоздким и рыхлым, в нем выделились фракции, он погрязал в спорах. Например, Цанков поощрял «Родную защиту» и прочие добровольческие формирования, они объединились в «Военный союз» под руководством генерала запаса Константина Георгиева. Но такие структуры по-прежнему оставались как бы «неофициальными», до их легализации дело не дошло.

Положение осложнилось тем, что Болгария после переворота очутилась вдруг... в полной международной изоляции! Если покойный Стамболийский силился во всем угрождать победившим соседям, то теперь они встревожились. Обеспокоились: вдруг Болгария последует за Турцией? Захочет пересмотреть результаты войны? Югославия и Греция мобилизовали войска, предоставили убежище бежавшим активистам земледельческой партии. Новое правительство подтвердило соглашения, заключенные Стамболийским. Тем не менее банки Англии и Франции отказались выделить ему кредиты. Международные фирмы начали бойкотировать болгарскую сельскохозяйственную продукцию, что поставило страну на грань экономического кризиса. Единственным другом проявила себя Италия. Муссолини поддержал болгар, оказывал финансовую помощь — благодаря ему правительство Цанкова смогло платить репарации.

Между тем и большевики не отказались от болгарской революции. Ее взялись готовить заново. А заодно предполагалось разжечь революцию в Югославии. Непосредственное руководство подрывными операциями было возложено на резидента Разведывательного управления Красной армии Нестеровича (Ярославского). Он расположил свой штаб в Вене, наладил связи с югославскими и болгарскими коммунистами, готовил и рассылал инструкторов. Восстание в Болгарии должно было начаться несколькими террористическими актами, убийством царя и уничтожением всего правительства. Организаторы рассчитывали, что страна останет-

ся обезглавленной, это вызовет панику, парализует действия властей и обеспечит успех мятежа.

13 апреля 1925 г., когда Борис III возвращался с охоты на автомобиле, на горной дороге по нему открыли огонь. Погибли телохранитель и друг царя, шофер был ранен. Машина врезалась в столб. Но мимо проезжал и остановился грузовик, Борис с двумя спутниками перебрался в его кабину и скрылся от убийц. Но в этот же день в Софии боевики Коминтерна убили одного из руководителей добровольческих отрядов, отставного генерала и депутата парламента Константина Георгиева.

16 апреля было назначено отпевание в софийском соборе Святой Недели. Большевики кощунственно нацелились использовать это для куда более масштабного теракта. Ведь предполагалось присутствие царя, всего правительства, военного командования. Под куполом установили устройство с 30—40 кг взрывчатки. Соучастник злодеяния, церковный прислужник, специально передвинул гроб, чтобы министры сместились на несколько шагов и оказались под бомбой. Но оказалось, что таким перемещением прислужник спас им жизни. В пиротехнике он не разбирался, правительство попало в «мертвую зону» взрыва и уцелело. А Борис III в этот день сперва заехал на похороны своего друга, убитого при возвращении с охоты, и на отпевание Георгиева опоздал.

Теракт унес 128 жизней. В их числе были мэр Софии, начальник полиции, 11 генералов, многие высшие офицеры, целый класс девочек-лицеисток, певших в церковном хоре. Но расчеты убийц на паралич власти не оправдались. Наоборот, вся Болгария была возмущена. Цанков сразу ввел военное положение, приказал военному министру Вылкову и министру внутренних дел Русеву раздавить заговор. Они призвали на помощь добровольческие отряды Воинского союза — а у них чесались кулаки посчитаться за своего предводителя Георгиева, за убитых офицеров и детей. В штабах таких формирований давно уже брали на заметку людей, замеченных в коммунистической деятельности, подозрительные адреса. Свой учет вела и полиция. Теперь покатались облавы, обыски.

Было арестовано 3194 человека. До суда и тюрьмы дожили далеко не все. В воинских частях и добровольческих отря-